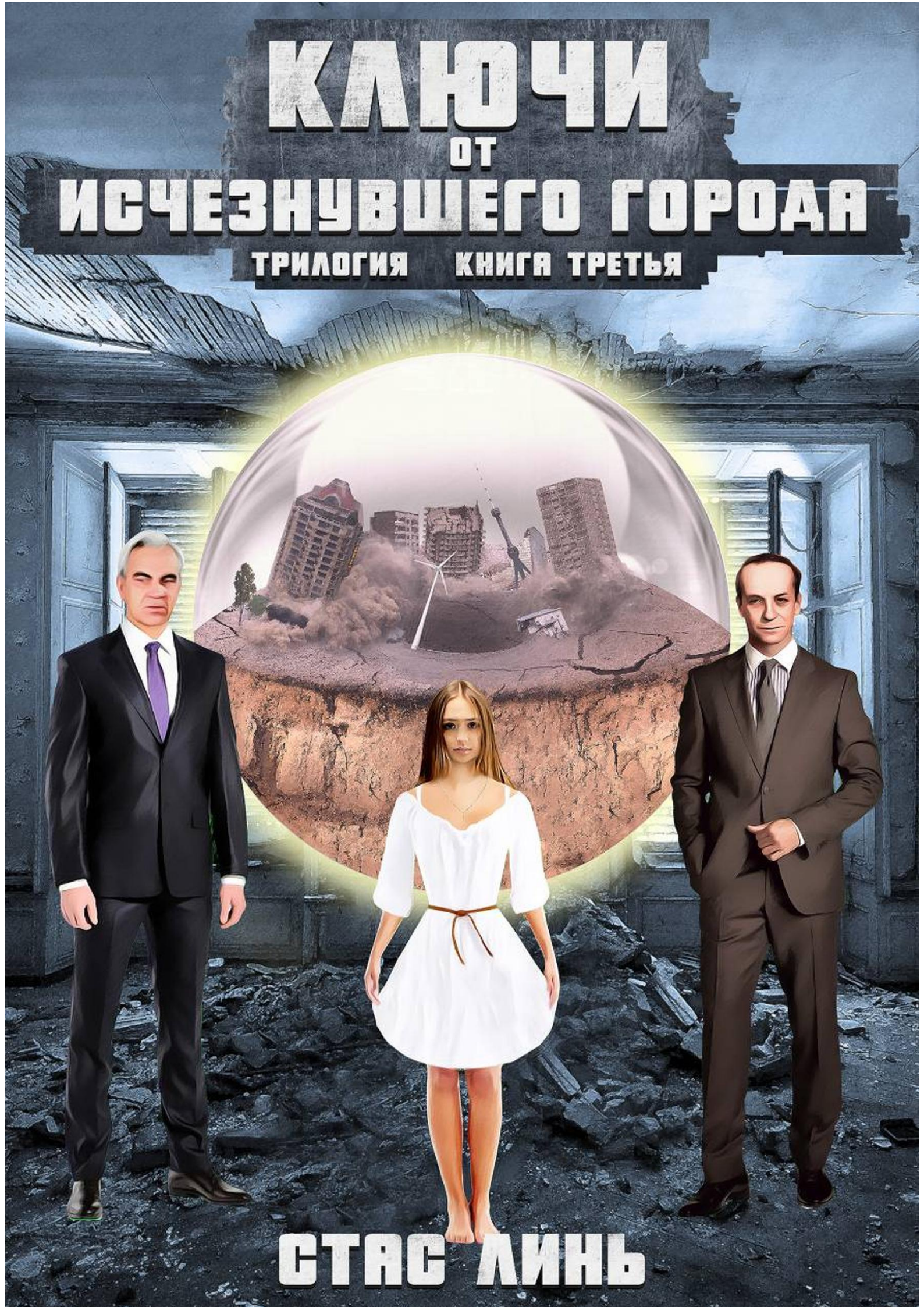
КЛЮЧИ ОТ ИСЧЕЗНУВШЕГО ГОРОДА

ТРИЛОГИЯ КНИГА ТРЕТЬЯ



СТАС ЛИНЬ

Стас Линь

Ключи от исчезнувшего города 3

«Автор»
2026

Стас Линь

Ключи от исчезнувшего города 3 / Стас Линь — «Автор», 2026

Четыре пульта управления установкой. Четыре человека, готовые пойти на жертву ради будущего всего человечества. Теперь, как оказалось, от успешного проведения эксперимента зависит не только судьба закрытого города, но и всей планеты? Нет! Солнечной системы! Выжить по его завершению практически невозможно, ведь после город-убийцу придётся отправить в открытый космос, где ему и место, но Максим и его верные спутники всё же верят в ничтожный шанс на спасение. Непростая задача – это мягко сказано. Но не выполнить её – погубить всех. Так как «синее зеркало» оказалось далеко не таким безобидным, как описывал его Ганс. А запредельные частицы, создавшие фантомов, тем более. Осталось вывести жителей в реальный мир, оставить позади все сомнения и приступать к неизбежному – предотвратить, чтоб его, конец света!

© Стас Линь, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть шестая 5
Глава 48 5
Глава 49 10
Глава 50 19
Глава 51 24
Глава 52 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Стас Линь
Ключи от исчезнувшего города 3

Часть шестая
Роковое решение

Глава 48

Двумя днями ранее…

– Знаешь, Максим… – Ульяна сделала паузу и уставилась прямо мне в глаза, – мне кажется, мы поступаем неправильно…

– В каком смысле? – не понял я, мой мозг ещё не до конца проснулся.

– Я думаю, мы должны остаться.

– Зачем?

– Помочь Гансу, конечно. Вот зачем! Не тупи! – насупилась девочка.

– Странная ты, – усмехнулся я. – То больше всех хотела отсюда сбежать, а теперь думаешь остаться…

– А мы и сбежим! Проведём эксперимент и сбежим! – похлопала она своими наивными глазками.

– Но это же смертельно опасно! – парировал я.

– Нисколько! Если сделать всё правильно!

– Твоя мама будет против!

– Знаю, она же уже против. Она ни за что не останется!

– Ты хоть ей-то не высказывала свои желания? – немного испугался я.

– Нет, конечно! Я же не дура!

– И правильно, – я выдохнул.

– Мама потом дома ещё долго психовала… ой… – Ульяна закрыла ладонью лицо. – Ты бы видел… Хорошо хоть посуду не била…

– Представляю, – на моих губах появилась сухая улыбка. – И всё равно это ничего не даст. Дед вроде не против остаться. Ну, так… пятьдесят на пятьдесят. Однозначного ответа он мне ещё не давал. Допустим, останемся и мы с тобой. Но без твоей мамы эксперимент не провести. – Я попятился назад, давая понять, что хочу отложить этот неприятный разговор или вообще его закончить.

– Пойдём. Я тебе что-то покажу, – вдруг заявила Ульяна.

– Куда пойдём? Три часа ночи! – гневно проворчал я. – Завтра Ганс сделает заявление. Завтра начнётся очередная нервотрёпка. Дай поспать!

– Не дам! Пойдем, я сказала!

Да уж, Ульяна могла быть властной и настойчивой, когда пожелает. Я понял, что и сейчас сопротивляться бесполезно. Она опять победила, что поделать.

– Это надолго? – Я помялся на месте.

– Нет, через час уже будешь дома!

– Ладно, уговорила…

Не переодевался. Как всегда вчера лёг спать в уличном. Мы вышли во двор.

– Куда идём хоть? – спросил я.

– В штаб!

– Так и подумал…

Прогулка по ночному городу меня немного взбодрила. Только фонари были потушены. Шли, светя телефонами. Комендантский час, кстати, Заботин так и не отменил, но на военных мы не нарвались. Лестница к дыре в днище корабля уже была приставлена. Поднялись в уже знакомый мне зал заседаний. Затем Ульяна подошла к дубовой двери в ту комнату, из которой она выходила в первую нашу встречу. Там я ещё не бывал ни разу. Она вставила ключ в замок и повернула. Мы проникли внутрь.

Досконально рассматривать помещение особенного желания не было. Усталость же меня всё ещё одолевала. Заметил лишь большую деревянную двуспальную кровать справа с высоким матрасом, бережно заправленную свежими простынями. Зеленый ковёр на полу, три стола, сдвинутых вместе у дальней стены, и несколько стульев. Стены комнаты выкрашены в голубой. А также, что меня как раз удивило, слева от двери в дальнем углу стояло пианино. Вот он какой, кабинет лидера братства, подумал я. Неплохо так-то.

– Прадед с четырёх лет учил меня математике, – начала Ульяна. – Хотел, чтобы я стала такой же умной, как он, или как дедушка. Младшую сестру тоже хотел обучить, но не успел. – Девочка подошла к пианино. Я молчал. – Не скажу, что мне так уж и сильно нравилось заниматься с прадедом, но…

– Ну не знаю, я своему деду благодарен за мои довольно обширные знания по математике и физике! – перебил я её, но Ульяна не обратила на это внимания.

– Однажды, – она резко сменила тему. – Это был урок музыки в старшем классе. Мне девять лет. Я шла по школьному коридору, проходила мимо кабинета музыки, и услышала, как играет наш учитель. У нас мужчина музыку ведёт, – улыбнулась Ульяна. – Не помню, почему я шаталась тогда по школе во время урока, но это не важно. И вот что-то меня дёрнуло, и я зашла к нему в класс. Меня никто не остановил. Я встала рядом с ним и стала смотреть. Смотрю. Смотрю. Смотрю. А он играет, не останавливается. Меня заметил, но не стал ни выгонять, ни делать замечания. Это было удивительно. Не знаю, зачем я зашла. Наверное, понравилась мелодия. Класс сидел тихо, никто из детей ни меня, ни его не отвлекал. Сидели все как завороженные. Он доиграл. Затем встал с места и предложил мне сесть за пианино.

– Так, это уже интересно, – я подошёл ближе к девочке.

– Я испугалась, но села, – продолжила она. – Он что-то стал говорить про нотную грамоту. Показал мне несколько этих… – Ульяна открыла крышку пианино.

– Аккордов? – догадался я.

– Да, их. А я его не слушала. Пальцы как-то сами коснулись клавиш, и я заиграла. Заиграла в точности так, как играл он…

– Ну, в точности ты бы так сразу повторить не смогла! – усомнился я.

– Не веришь? Смотри! – Она села за пианино и тут же начала играть.

Удивительно! Никогда бы не подумал, что у Ульяны есть ещё и музыкальный талант! В помещении создавалось довольно противное эхо. Всё же стены были из металла. Но как играла Ульяна, мне действительно нравилось. Знакомая мелодия. Явно из классики. Только в классической музыке я не был силён. Сказать, кто её написал, я не мог. Несколько музыкальных минут. Я присел на стул и от удовольствия даже закрыл глаза. С каждой секундой эта мелодия проникала в меня всё глубже. Будоражила сознание. Внутри всё трепетало. Странное состояние, но дико приятное.

– Нравится? – Повернулась она ко мне, когда закончила.

– Очень! Честно! Безумно круто! – признался я. – Серьёзно, это не лесть!

– Я верю, верю, – хихикнула Ульяна, – мне и самой нравится. Узнаёшь произведение?

– Не-а. Я не силён в музыке…

– Моцарт, «Музыка ангелов», – ответила за меня она. – Это её он тогда играл, ну, наш учитель.

– Я слышал её раньше, но, мне кажется, у тебя получается даже чище того исполнения, что попадалось мне, – поумничал я.

– Ещё бы! А в тот момент, это было поразительно, ну, хотя бы для меня, он будто знал, наш учитель, будто знал, что у меня всё получится. Не сомневался в этом. Хоть я в тот день за пианино села впервые. Это вообще был мой первый музыкальный инструмент, который я… ну, ты понял.

– Взяла в руки? – засмеялся я.

– Да ну тебя! – улыбнулась девочка. – Так вот. После этого учитель уговорил моих родителей купить пианино и мне домой. Я играла на нём два года. Потом ужасно достала этим соседей, и инструмент перетащили сюда. Он, кстати, нефантомный.

– Серьёзно? – усмехнулся я. – Как пианино протиснулось в дыру в днище корабля? И оно же тяжёлое. Представляю, сколько усилий потребовалось его сюда приволочь.

– Оно разбирается, если ты не знал, – фыркнула Ульяна. – Обшивку можно снять и занести отдельно!

– А, ну, тогда ладно… оно же уже здесь, так что верю. – Я успокоился и больше не стал подкалывать мою девочку. Хотя ещё хотелось. – Меня интересует другое. Что именно ты тогда запомнила? Последовательность нажатий на клавиши?

– Как оказалось, да! – подтвердила Ульяна. – Это пытался узнать и прадед. Он брал ролики из интернета, где играли музыканты на клавишных инструментах, выключал в них звук и показывал мне. А я потом повторяла в точности все нажатия. Все до единого!

– Так это называется вроде фотографическая память. Ничего особенного, – опять поумничал я.

– Может быть. Хотя, скорее, видеозаписывающая, – улыбнулась моя красотка. – Но я ей обладаю, это мой дар. Вот так. Музыку я после этого сильно полюбила, гораздо больше, чем математику. Хотя и математику не бросала, мы с прадедом продолжали ею заниматься. Но это ладно. Сейчас скажу главное – зачем я тебе всё это показала. Последовательность чисел твоего деда – она как мелодия. Сами числа я не запомнила, хоть и пыталась, трудно их запоминаю. Да и мама не часто показывала мне таблицу во время тренировки и первого испытания ускорителя. Но какие кнопки она нажимала, я помню хорошо. Максим, я твой четвёртый человек. Я заменю маму во время эксперимента! Я останусь с вами и помогу Гансу!

– Уверена? – от её заявления я поёжился. – Сегодня мы дали ускорителю только четверть мощности. Чтобы запустить его на полную, нужны другие аккорды, и они гораздо сложнее. Ульяна, трижды подумай перед тем, как…

– Мне достаточно показать один раз, и я сыграю что угодно, – перебила она меня. – Пульт управления ускорителем, он как музыкальный инструмент. Нужно только играть. Садишься и играешь. Ничего сложного!

– Но, Ульяна…

– Что Ульяна? Ну, что Ульяна? – возмутилась она. – Если ты уйдёшь, ты будешь чувствовать себя спокойно? Тебя совесть не замучает?! У тебя хотя бы не останется чувства этого…

– Незавершённости, – дополнил я её. – Останется, наверное…

– Вот, видишь! А с этим чувством нельзя уходить! Я много раз сегодня об этом думала. Не могла уснуть. Я не могу просто уйти, понимаешь? Это неправильно! Так нельзя! Ганс всю свою жизнь посвятил «синему зеркалу», эксперимент – это его заветная мечта, а мы его просто бросим?! Мы так жестоко предадим нашего дорогого Ганса?! Оставим на верную смерть?! Я не смогу спокойно жить после этого… Да и вообще, зачем мы ещё его так долго строили, этот ускоритель? Чтобы вот так взять его потом и не запустить?

– Жить? – поморщился я. – Ульяна, ты же слышала моего деда! Одно нажатие мимо и мы – трупы!

– Не нажму я мимо! Не нажму! – психанула она. – Я никогда не нажимала мимо! Никогда, понимаешь? Хочешь – проверь! Ну, проверь меня! Давай любой ролик! Любой, который я никогда не видела! Выключишь звук, покажешь мне, а я сыграю!

– Не надо, Ульяна! Правда, я не сомневаюсь в твоём даре…

– Можешь не верить, но я на одни пятёрки учусь! Я отличница в школе! – не успокаивалась она. – Я умная и ответственная! Если ты думал, что я просто какая-то там хулиганка, которая играется в сопротивление, ты не прав! Я могу быть серьёзной, когда нужно!

– Ульяна, ну, правда… – я, как мог, смягчил тембр своего голоса. – Верю я тебе, неужто я не вижу, какая ты у меня умница?

Она после такого подтверждения, кажется, чуть-чуть успокоилась.

– Мама сегодня перегнула, конечно, – продолжила девочка. – Прадед мой всё равно был обречён, и она это знала. Я вообще не понимаю, за что она на Ганса так жестоко сегодня наехала. Не могли прадеда прооперировать ни в марте, ни когда-либо ещё. Болезнь поздно обнаружили. И я помню, как доктор тогда сказал, что если бы обнаружили и, скажем, месяцем раньше, толку бы не было никакого, и моему прадеду всё равно конец. Там опухоль была такая, что её не удалить. Так что не убивал его Ганс, понимаешь? Не убивал он своего друга ради возможности провести эксперимент!

– Может, просто достал её этот город. Маму твою, – предположил я. – Ведь она тут всю жизнь провела, ненавидит его, наверное, только вслух не говорит. А эти дополнительные три месяца послужили последней каплей. Вот она и спустила на Ганса всех собак. Но какая теперь разница? Твоя мама всё равно не с нами больше…

– Поэтому я и собираюсь её заменить. Макс, ну пожалуйста, – настаивала Ульяна, – я знаю, что ты за меня волнуешься, за мою жизнь. Но я вас не подведу! Я клянусь тебе!

– Ты просишь меня об этом так, будто я сам уже решил остаться, но я ещё не решил, – отпрянул от неё я.

– Ну, всё равно!

Я промолчал. Хоть понятно теперь было, почему Ульяна так внимательно следила за матерью, когда та вводила комбинации на панели управления. Девочка будто чувствовала, что запускать ускоритель придётся ей.

– Смотри! – Она достала из сумки дневник прадеда и открыла нужную страницу. – Он зарисовал его. Вот оно. Если я останусь, то скоро мы увидим его! – Девочка встала и поднесла мне дневник.

«Синее зеркало»! Там было изображено «синее зеркало»! Только нарисованное простым карандашом, хоть и довольно подробно и качественно. Пётр, оказывается, был неплохим художником. Теперь я узнал, как выглядит этот мистический сгусток в представлении прадеда Ульяны, но по-прежнему не проронил ни слова.

– Правда, красиво? Правда? – с живым блеском в глазах спросила меня девочка.

– Красиво, да, – сдался я. – Только я уже видел его на фото в кабинете Ганса. Правда, снимок там был тоже чёрно-белый и расплывчатый.

– Ну вот! А разве ты не хочешь увидеть его в реальности? Разве не хочешь? Я очень хочу! Это же… да… да… такого нет нигде на Земле больше… только тут! – трепетно продолжила Ульяна.

– А как же зло в сфере? Ты его не боишься?

– Не боюсь! Вряд ли оно существует! Если Ганс обманул весь город, скрыв жидкость, то и про зло мог соврать.

– Но про зло говорил не он, а Заботин, – опроверг её я.

– Да какая разница! Мне всё равно нисколечко не страшно!

– Ох, Ульяна, ты меняешь своё мнение каждые пять минут! – выдал я.

– Ну, я же девочка, – она кокетливо опустила глаза. – И я не меняю, я делаю так, как подсказывает сердце! Но что мне делать, если каждый раз оно подсказывает по-разному!

Странно, думал сейчас я. Она призналась мне в любви, призналась потом ещё много в чём, а я до сих пор никак не мог переступить порог своего недоверия. Не к ней даже, а вообще. Хотя, нет, кому я вру, к ней. Именно к ней. Пора было это сделать.

– Я кое-что хочу тебе показать. Только никому ни слова! – решился я.

– Давай! Я же рассказала тебе свой секрет, теперь твоя очередь! – воодушевилась девочка.

– Смотри! – Я вытащил из внутреннего кармана своей куртки пенал с картами памяти.

– Что это? – искренне удивилась Ульяна.

– Это? Хе-х, – я отвёл взгляд в сторону. – Это моя самая страшная тайна! Здесь, на этих картах, хранятся фотографии всей проектной документации, включая и таблицы деда. Я всё дотошно фотографировал, когда работал над восстановлением ускорителя. И никому пока не рассказывал об этом. Но ты же моя девушка, я не хочу, чтобы у меня от тебя были какие-то секреты.

– Зачем они тебе? – не понимала она.

– Не знаю. Честно, – робко ответил я. – Пока не решил. Просто, понимаешь, в чём суть? Там, в сфере, спрятан вечный двигатель. Им захочет обладать любое государство мира. Я сам это начал, понимаю. Я испугался, и Ваня рассказал о городе ФСБ. Но это уже не важно. Главное то, что не верю я им. Не верю в их благие цели. Не верю, что они могут нам помочь. Людям – может быть. Но нам? Мне и деду? Вряд ли они оставят нас в покое. Но я и не настолько тупой, чтобы технологию будущего просто так здесь бросить или уничтожить. Как, знаешь, в дешёвых мелодрамах, где герои находят много денег, а в конце фильма эти деньги либо теряются, либо тонут, либо пропадают, либо их ветер уносит. И ещё какой-нибудь горе-философ потом ляпнет в конце: «Не в деньгах счастье!» или «Не жили богато, нечего и начинать!». А я ненавижу такие концовки, понимаешь? Они же дебильные! И такое сокровище, как ускоритель частиц Ганса, я терять не хочу, поэтому всё сохранил. Но и отдавать спецслужбам его, да и вообще кому бы то ни было боюсь. И что делать мне с ним, ума не приложу!

– Ты прав, Максим, спецслужбы так просто нас и не отпустят! – Эта фраза прозвучала настолько неожиданно, что я вздрогнул. В каюту вошёл мой дед.

Глава 49

– Твою ж налево! – выпалил я и резко спрятал пенал с картами памяти обратно за пазуху. При этом мгновенно вспотев и потупив взгляд, как нашкодивший мальчишка.

Дед захлопнул за собой дверь.

– Что ты тут делаешь? – смущённо спросил я, при этом пытаясь делать вид «как ни в чём не бывало». Будто бы я и не признавался полминуты назад в попытке украсть секретные разработки Гансового изобретения. Вот подстава, а! Выбрал же я подходящий момент для признания, дурак! Но Ульяна тоже хороша…

– Прости, Максим. Это я его пригласила. Просто я не думала, что получится сразу тебя убедить, – призналась девочка.

Я очень надеялся сейчас, что дед не услышал ничего про карты памяти, но это было вряд ли. Неизвестно, как долго он стоял за дверью. Хотя он ничего про них пока не сказал. Может, это его не беспокоило? Ну, нафотал и нафотал. Для него это не важно? Наверное, я и не совершил ничего страшного, по его молчаливому мнению.

– Так, друзья мои, предлагаю оставить пустые разговоры в стороне и перейти сразу к делу. – Дед подвинул себе стул. – Сейчас в этой комнате решится дальнейшая судьба, как всего города и проекта «синее зеркало», так и наша с вами тоже. Нужно выработать сбалансированное решение.

– То есть? – удивился я.

– Через тридцать лет нашей стране выпал такой джек-пот, – продолжил дед. – Да с «синим зеркалом» мы станем не просто мировой сверхдержавой, а ведущей страной мира! Мы сможем диктовать свои условия всей планете! Поэтому Ганса спецслужбы точно не отпустят, заставят работать на страну. Но боюсь, не отпустят и меня. Спецслужбы пока не знают о жидкости. Но завтра они о ней узнают. Только всё равно не успеют хорошо подготовиться. И это наш шанс. Если бы эксперимент убрал купол, это пошло бы им на руку. Они бы успели захватить всех нас, и, возможно, арестовать Ганса. Но сейчас Ганс под защитой купола. Он не выйдет, я знаю. Но выйду я. И тут они меня сцапают.

– Ты хочешь остаться? – Я уставился на деда.

– Это мы сейчас и решим, – на лице деда читалось лёгкое волнение. – Как учёный, завершить эксперимент я, конечно, хочу. Можем сделать так: проведём его вместе, когда освободим всех людей. Потом вы вдвоём выйдете, а я останусь. Вы дети. Они вас не тронут. Но я, пойми, Максим, я уже обречён. Мне выходить нельзя. Мой уровень знаний очень высок, я имею сейчас такое же значение для страны, как и Ганс.

– Ну, нет уж! – возразила Ульяна. – Никаких «вы выйдете, а я останусь»! Если идти до конца, то всем до конца! Это не обсуждается!

– А может, время изменилось, и они действительно хотят нам помочь? – наивно спросил я.

– Людям – да! Вполне. Но нам, точнее мне и Гансу, – нет, – заявил дед. – Время всегда одно и то же. И нас там не отпустят.

– Тогда что делать? – недоумевал я.

– А вот подумай, Максим. Как бы ты поступил на месте спецслужб, если бы узнал про жидкость? – интригующе спросил дед.

– Попытался её заполучить, – тут же выдал я.

– Нет. Ты не понимаешь. Цель – это Ганс и я. А жидкость – только средство, – пояснил вопрос дед.

– Значит, заполучить жидкость, чтобы добраться до Ганса, – верно предположил я. – Покрыть ею костюмы и отправить под купол агентов, например…

– Вот именно! Мне тоже это пришло в голову! – признался дед. – Поэтому мы сами дадим им жидкость! Заодно проверим, насколько чисты их «благие намерения».

– Каким образом? – всё ещё не понимал я.

– Они должны будут сами выдать себя, – начал дед излагать свой план. – Думаю, у Заботина найдётся машина, не фантомная, тот же ЗИЛ с крытым кузовом, чтобы покрыть её жидкостью здесь, и выводить людей через неё. Но мы попросим транспорт непосредственно у департамента. И ещё, надо будет отправить за стену человека. Заодно испытаем вещество!

– Дай угадаю, этим человеком должен быть я? – спросил я, саркастично посмотрев на деда.

– Правильно! – ответил он.

– Ну, спасибо! Ты и так подвергал меня опасности много раз, хочешь снова?

– А больше некого. Любой житель Картанга забоится, даже военные! Они же не были снаружи, а ты был! – добавил дед.

– Зашибись! Просто зашибись! – я удручённо вздохнул.

– Максим, ты пойми, это нужно сделать в любом случае, чтобы воодушевить людей. Ты должен стать примером для них, – дед почесал лоб. – Ведь если ты сможешь пройти сквозь купол, то и они смогут. Но тебе нужно будет обязательно не только выйти, но и вернуться. Тогда ты станешь своего рода мессией для жителей Картанга, который показал путь, но вернулся обратно, чтобы вывести остальных этим путём. Понимаешь?

– Ладно, ладно, можно было и без этой философии обойтись, – фыркнул я. – Уговорили. Куда я денусь? Только найдите хороший костюм.

– Ганс его уже нашёл. Не бойся, за твою безопасность я ручаюсь, – уверил меня дед. – Я сегодня уже прогулялся до стены и испытал жидкость. Даже обычная резиновая перчатка, покрытая ей, сквозь стену проходит легко! А ты хоть запах свободы почувствуешь и на воле побудешь немного перед экспериментом, разве плохо?

– Ладно, согласен я, честно! Это радует, что побуду, – словно отрапортовал я. – Я уже соскучился по внешнему миру сильно. Но мне нужен костюмчик помощнее!

– Прекрасно! Будет тебе мощнее! А этим жестом – твоим выходом – мы ещё и немного дезориентируем спецслужбы. Теперь далее, – продолжил дед. – После того, как ты выберешься, мы пустим через стену трубу. Дадим департаменту жидкости, чтобы они покрыли свою машину снаружи.

– И ещё чуточку больше? – догадался я.

– Правильно! Потому что, когда они заполучат жидкость, то выдадут себя! – подтвердил дед.

– Да, только об этом они нам не скажут! – я пожал плечами.

– Или скажут!

– А если не скажут?

– Скажут, Максим, – настоял на своём дед. – Я их методы знаю. Уверен, они начнут тебя вербовать сразу же, как ты выйдешь из-за стены.

– Серьёзно? Жуть! Ну что мне тогда надо будет делать? Может, не сказать завтра департаменту, что ускоритель готов. Пусть они подумают, что у нас ничего не получилось, и оставят нас в покое, – наивно понадеялся я.

– Нет, – тут же опроверг меня дед. – Они знают, что мы способны собрать ускоритель. Не пойдёт, бесполезно. Говорить им нужно только правду. Но не всю…

– Может, взять с главы департамента расписку, чтобы он не трогал тебя? В обмен на, скажем, проектную документацию. Ганс ладно, но ты, дед, я не хочу тебя потерять! Как я там буду без тебя? – мои спонтанные идеи опять продолжали сильно пахнуть наивностью.

– Бесполезно, Максим. Я говорю, мы обречены! Расписка твоя ничем не поможет! Ничего уже нам не поможет. И никто! – дед от волнения начал жестикулировать руками. – Департамент

судам неподконтролен. Если у них приказ от правительства, они выполнят его в любом случае. У нас один выход – остаться здесь. Остаться с Гансом. Другие варианты полностью провальные.

– Тогда что мне говорить, когда меня начнут вербовать? – недоумевал я.

– Ничего особенного, – теперь уже спокойно продолжил дед. – Будь собой и не бойся нас подставить. Что бы ты ни сказал, это не будет иметь никакого значения. Они всё уже давно решили за тебя, ты их не переубедишь. Но они захотят, чтобы ты им ещё и помог. Помоги, не сопротивляйся. Хотя бы дай согласие на помощь. А в остальном, когда они тебя начнут вербовать, коси под дурака, рассказывай, что знаешь, будь честен, но в меру, и не выдавай наш основной план. А наш основной план – это то, что мы втроём остаёмся и проводим эксперимент. И что Ганса в обиду мы не дадим – тоже!

– В любом случае нам нужно будет охранять стену! – добавил я.

– Чтобы не проникли агенты? – Спросила Ульяна.

– Именно!

– При вербовке, они и про агентов могут тебе проговориться, так что имей в виду, – дополнил дед. – Но знай, Максим, я тебе доверяю. Говори с ними так, как посчитаешь нужным, но в нашу пользу, и ничего не бойся. Они такие же люди, как и ты, нет в них ничего страшного.

– Хорошо, – кивнул я. – Но как мы их будем обезвреживать, я понятия не имею. У тебя случайно нет какого-нибудь протокола на этот случай? – с небольшой издёвкой в голосе обратился я к Ульяне.

– Э-м-м… протокола нет, – призналась девочка. – Но агентов я всё равно беру на себя! Моё братство с ними справится!

– Нет уж! – возразил дед. – Это будут не просто военные, а профессионалы со спецподготовкой. Дети не смогут их обезвредить ни при каких условиях!

– Тогда солдаты Заботина? – встрял с предложением я.

– Тоже вряд ли, – опроверг и его дед. – Заботин не будет ссориться со спецслужбами и накапливать проблемы, особенно перед самым выходом. Он точно захочет выйти спокойно и продолжить так же спокойно жить в реальном мире. Да и я бы не хотел больше его подставлять, пусть живёт. Он и так уже много для нас сделал. Поэтому – не вариант!

– Тогда кто? Мы? – я уже начинал нервничать.

– Ну, начнём с того, – задумчиво продолжил дед, – что места, где сквозь стену пройдут агенты, выдаст нам Ганс. Он же следит за городом через купол.

– Так, одна проблема решена. А вторая? – допытывал его я.

– И вторая, – опять встряла Ульяна. – Дети, может быть, их и не остановят. А вот пара коктейлей Молотова остановят любого!

– Нет! Никакого насилия! – испуганно сказал дед. – Нам надо сработать тихо. Вырубить их и выкинуть за стену. Операция должна пройти безупречно и так, чтобы о том, что агенты уже обезврежены, глава департамента не узнал до последнего. Хотя бы до того момента, пока из города не выйдут все жители, глава должен оставаться в неведении.

– Притом выкинуть агентов за стену надо так, чтобы они назад не вернулись, – добавил я.

– Это как раз не проблема, – ответил дед. – Я испытал воздействие спирта на жидкость, как сказал Ганс. Спирт растворяет вещество ровно за пять минут, он не соврал. В течение этого времени мы должны отправить агентов за стену. Иначе они или погибнут, или останутся здесь.

– Так, это уже радует! – Я воодушевился.

– Ещё бы, – сказал дед. – Ганс, правда, признался мне и в том, что хоть он и не может пока переместить город, не отправив его в космос, но сможет его развернуть по окружности на любой градус. Но я тоже от этого отказался. Нельзя, чтобы агенты упали в воду и утонули. Смерти нам не нужны, надо обойтись без жертв!

– Согласен! – я хлопнул веками.

– Дальше, Максим. Перед тем, как ты выйдешь за стену, мы польём твой костюм спиртом. Нефантомного спирта из запасников Ганса у нас полно. У тебя будет пять минут для того, чтобы выбраться.

– Правда? – не поверил я. – Из запасников? Он за тридцать лет не выветрился?

– Его правильно хранили в герметичных канистрах, так что не выветрился, – ответил дед.

– Департамент про нейтрализацию вещества спиртом тоже не должен узнать, я правильно понял? – улыбнулся я.

– Да! Ни в коем случае! – подтвердил дед. – Но это ладно, выйти ты выйдешь, только это не всё, что от тебя потребуется. Там снаружи, как только вы закончите покрывать машину веществом, в бочки с жидкостью пару бутылок спирта вылить тоже надо будет. Где вы их возьмёте, уже твоя забота.

– Незаметно это сделать не получится! – заявил я.

– Сделай, как сможешь! – попросил дед. – У департамента будет мало времени, чтобы продумать операцию. Это, повторяю, нам на руку. Они окажутся плохо подготовлены. Я попрошу Заботина сообщить людям за стеной о жидкости только после заявления Ганса. Он меня послушает, глупить не будет. Я буду убедителен.

– А Ганс сейчас нас не слышит? – забеспокоился я.

– Нет, рацию я оставил в лаборатории, – ответил дед. – Это только наш с вами разговор! Я передам Гансу чуть позже лишь его итог.

– Хорошо, – успокоился я. – Но как мы будем обезвреживать агентов, мы пока не решили. Может, подключим людей Ганса? Он же некоторых горожан завербовал в свои доверенные лица.

– Нет, их мало у него. Человек 5 или 6, вроде бы, – возразил дед. – Их не хватит, чтобы обезвредить всех агентов. Людей же надо будет расставлять вдоль стены на большом расстоянии. То есть нужно много людей, несколько десятков хотя бы, если не сотен.

– Да, проблема, – удручённо вздохнул я.

– Проблема, но половина и этой проблемы уже решена, – дед покопался во внутреннем кармане пиджака и достал оттуда стеклянный шприц.

– Что это? – не понял я.

– Снотворное, сильнодействующее. Пару кубиков хватит, чтобы агент продрых четыре часа как убитый, – усмехнулся дед.

– Ура! Это радует! – выдохнул я.

– Ага! Запасник Ганса оказался богат и на медикаменты! – признался дед далее.

– Запасник? Ты серьёзно?! – опешил я. – Ему же тридцать лет! У этого лекарства уже срок годности давно истёк! Это тебе не еда, дед. Просроченным препаратом мы же их убьём!

– Не убьём, – возразил он. – Лекарство я сегодня испытал на себе. Мне его паучок по вентиляции принёс.

– Почему паучок? – не поняла Ульяна.

– Так Ганс же опять закрылся на втором уровне, – пояснил ей дед.

– А-а-а… Ну да, забыла…

– Как только ты ушёл, Максим, всю операцию мы с Гансом сразу же обсудили, – продолжил дед, – ты слышишь это всё не первый, а потом мне позвонила Ульяна…

– Дед, ты нормальный?! – вспылил я, не обратив внимания на остальное. – Испытал на себе? А если бы оно тебя убило!

– Ну, не убило же! – усмехнулся он. – Хоть выспался! Хе-хе-хе.

– Дед, ты реально псих! – не успокаивался я.

– Всё хорошо, Максим! Честно! Агентов оно тоже не убьёт, так что схватим, уколем, свяжем, польём спиртом и выкинем за стену, всё просто, – подытожил он.

– Но кто будет это делать?

– Можно я скажу? – наконец, вмешалась Ульяна и встала из-за пианино.

– Ну, давай, – дед пожал плечами, а я кивнул.

– Смотрите. У нас две силы, – воодушевлённо начала девочка. – Мои ребята и военные. По-отдельности мы их попросить не можем. А что если вместе?

– Как это? – удивился я.

– А ты как думаешь, кто из военных согласится нам помочь и не скажет об этом Заботину? – Ульяна вопросительно поглядела в мою сторону.

– Те, у кого дети в твоём отряде сопротивления! – не задумываясь, выдал я.

– Вот именно! Так что агентов я всё равно беру на себя. Родителей мои ребята убедят. Особенно мальчики. – Игриво улыбнулась она.

– Я согласен, – не задумываясь, сказал дед. – Действуй! Устраивать диверсии это твоя стихия. Но только без хаоса, правила обезвреживания ты знаешь!

– Знаю! – кивнула она.

– Правда, делать это надо уже сейчас! – поторопил её я.

– Как закончим разговор, я тут же начну, – уверила нас Ульяна.

– Да можно и завтра, сегодня ты их только предупреди, – добавил дед. – Мы с Гансом договорились, что эвакуация начнётся послезавтра. Так что у тебя день, Ульяна. Пока Максим там будет гулять на свободе, ты должна будешь грамотно подготовить операцию, хорошо?

– Так точно! – Ульяна приложила руку к виску, имитируя воинское приветствие.

– Вот и прекрасно! Снотворное я тебе потом выдам. Я тебе верю, Ульяна, я знаю, что ты сделаешь всё, как надо, – добавил мой дед.

– Но что дальше? – возвратил я их к сути.

– А дальше я понятия не имею, – ответил дед. – Мы вернёмся в город, и там посмотрим. Но на всякий случай я посоветовал бы тебе, Максим, завтра попрощаться с отцом и этим твоим другом Ваней, – дед отвернулся. – И, возможно, попрощаться навсегда!

– Не верю, что всё так серьёзно, – снова удручённо выдохнул я.

– Мы бросаем вызов государству и не знаем, к чему это приведёт. Мы не знаем, удастся ли эксперимент. Поэтому да, всё очень серьёзно, – подтвердил дед. – Максим. Ульяна. Последний раз вас спрашиваю, вы точно этого хотите? Возможно, вы не увидите своих родных больше никогда. Максим, ты понимаешь это? Ты не сможешь вернуться в Москву, ты не сможешь поступить в университет, не сможешь жить как прежде. Ты станешь вне закона. А ты, Ульяна, ты больше никогда не сможешь обнять мать и отца, поиграть с сестрой, увидеть, как она вырастет. Готовы ли вы рискнуть и пожертвовать всем этим ради какого-то сумасшедшего учёного, которого вы знаете без малого три месяца, и его установки? Вы должны решить всё сейчас, решить трезво, но окончательно. Назад пути не будет. Советую всё же не кидаться в крайности. Лучше оставьте меня тут, а сами уходите! Будете жить в свободном мире как нормальные люди.

– Уходить до эксперимента или после? – уже не понимал я.

– Как хотите, но лучше до… – ответил дед.

– Снова жертва? – сухо спросил я.

– Скорее, страховка. Связь под куполом есть. Если департамент что-то попробует сделать, навредить вам или вообще жителям, я могу в отместку продать эту технологию за границу, – усмехнулся дед.

– Логично. Но опять неправильно. Ведь даже вдвоём с Гансом вы не проведёте эксперимент, а если начнёте это делать, то умрёте за зря! – Ульяна уставилась на моего деда. – Владимир Николаевич, я пожалела Ганса, неужто мне не будет жалко и вас?

– Конечно, будет, – улыбнулся ей мой дед. – Ты очень хорошая, Ульяна. Ты так похожа на Петра. Он бы тобой гордился. Уверен, он и гордится тобой сейчас, когда смотрит с Небес. Но подумай о себе. Я вижу, как ты любишь Максима. Именно любишь, ведь это невозможно скрыть. Несмотря на то, что он пока сомневается и даже сопротивляется, ты не сдаёшься. А

ты, – он резко повернулся ко мне. – Не смотри на её возраст! Люди быстро растут, и стареют, к сожалению, тоже очень быстро. Вы вырастите, тут подождать-то всего несколько лет. И тогда из вас получится отличная пара. Но если ты обидишь её, бросишь или просто оттолкнёшь, потом будешь жалеть всю жизнь. Не делай этого, Максим. Потеряешь её сейчас и всё, такой девушки у тебя больше не будет. И такой умной жены ты больше нигде не найдешь! Я знаю, что говорю.

– А главное, из нас получится отличная пара в любом месте, – пока я пытался найти, что сказать, Ульяна резко пересела ко мне и взяла за руку. – Мы остаёмся!

– Что же, твоё решение я услышал. А ты, Максим? – дед посмотрел на меня ещё пристальнее.

Я огляделся по сторонам, немного занервничав, но тут же ответил:

– Дед, серьёзно? Я не ослышался? Ты сейчас говорил о любви?

– Ну да, а что такого? – удивился он.

– Что такого? Ну, я же, наверное, не дурак, – выдал я далее. – Я же всё понимаю. Ульяна, признавайся, ты поговорила с моим дедом о наших отношениях, да? – я строго посмотрел на девочку. – Но зачем? Мы же вместе, всё хорошо. Ты со мной, а я с тобой. Что тебя ещё не устраивает?

– Не устраивает?! – мгновенно вспылила она. – А ты не понимаешь?! Ты что, не видишь ничего?! Ты слепой?

– А что я должен видеть? – недоумевал я, заволновавшись.

– Я так и знала! – она ударила кулаками по коленям. – Все вы парни такие! Да, поговорила! А что мне оставалось делать? Ты думаешь, мне не страшно?! Знаешь, как меня мучает эта неопределённость? Я же вижу, как ты сомневаешься в своей любви, как ты сух ко мне бываешь иногда. Будто я какая-то дура прилипучая, вцепилась в тебя клешнями и не отпускаю… Но я правда боюсь тебя потерять, я очень этого боюсь! Ведь там за стеной мы будем свободны. А там большой мир! И ты же бросишь меня сразу. Зачем я тебе? Зачем тебе эта мелкая дурочка? Ведь там у тебя в твоей Москве столько девушек.

– Столько девушек, но я почему-то пока ни одной не нашёл, – усмехнулся я. – Точнее, ни одна меня, увы, не предпочла. И уж точно ни одна мне как ты в любви не признавалась!

– И что? Ещё найдёшь! Ещё обязательно найдешь! Такого красавчика эти стервы в покое не оставят, – насупилась Ульяна. – И я больше не буду тебе нужна! Не буду нужна… – она уже приготовилась заплакать, но я её остановил.

– Ульяна, так я не понял? То есть ты придумала всё это, чтобы только подольше остаться в городе со мной? – поразился я. – Ты серьёзно? А как же Ганс, значит, тебе его не жалко, это всё только ради меня? А как же эти твои эмоции насчёт «синего зеркала»? Как ты хочешь его увидеть и тебе не страшно даже древнее зло. Хотя, опять же, почему древнее?

– Жалко! Я не врала тебе, я была искренней! Честно! – запричитала она. – И «зеркало» я хочу увидеть, и всё остальное чистая правда. Но больше всего я боюсь потерять тебя… если ты уйдёшь от меня, я этого не переживу.

– Ты любишь её, Максим, я вижу, что любишь. Просто говорю тебе – не сглупи! – продолжил дед. – Всё у вас будет хорошо и чувства обязательно разовьются и усилятся. Ты будешь любить её так сильно, что сам не поверишь в это. Не думай, что если я учёный, то ничего не знаю про любовь. Знаю, Максим. Но, Ульяна, если мой внук, тем не менее, сглупит, знай, ты всё равно останешься для меня родным человеком. В тебе живёт частичка моего учителя – Петра Семёновича. Поэтому ты стала мне родной уже давно, даже тогда, когда ещё не родилась. Так что знай это, ты мне очень дорога. Но я бы хотел, чтобы эта частичка Петра ещё и была рядом с моим внуком. Была рядом всегда. И, надеюсь, так и будет. Это судьба, Максим, веришь ты в это или нет. Ты приехал сюда за ней. Ты приехал в Картанг за своей Ульяной. И я безумно рад, что дети двух учёных полюбили друг друга, хоть всё ещё сопротивляются этому факту.

– Я не сопротивляюсь! – уверенно произнесла Ульяна. – Я уже давно сказала ему, что люблю его!

– И он тебе обязательно это скажет, – не сомневался дед. – Ему уже сильно повезло, он нашёл в городе свою любовь… А сомнения – штука проходящая. Они развеиваются, просто нужно время.

– Иди ко мне, – я встал с места и подошёл к Ульяне.

Она тоже поднялась, после чего я крепко её обнял. Я стоял так очень долго, поглаживая мою девочку по спине. Она не сопротивлялась, просто замерла в одной позе, наслаждалась объятьями и, кажется, успокаивалась.

– Нашла кому пожаловаться, – вполголоса начал я, когда почувствовал, что она окончательно расслабилась. – Ты бы ещё Ганса попросила наши отношения разрулить, честное слово! Мой дед же учёный, он женат-то никогда не был. И в отношениях, уверен, не состоял. Если не считать отношения с наукой.

– Не состоял, – подтвердил дед.

– Вот видишь? Он смутно в этом разбирается. Понимаешь, как тяжело ему даётся о таком говорить. Ульяна, ну, серьёзно! Мне нравится целовать тебя, обнимать, быть с тобой, я насмотреться на тебя до сих пор не могу, правда. Это же такое наслаждение. И меня полностью устраивают наш союз, честно. Да, поначалу я тебя немного стеснялся, но сейчас мне всё равно, всё прошло… И я хочу быть с тобой, Ульяна. Правда, хочу…

– Не хочешь… – дрожащим голосом ответила она. – Не хочешь. Ты герой, Максим. А зачем герою какая-то дикарка из забытого Богом племени?

– Хе-х, дикарка, – нежно усмехнулся я. – Вообще-то во всех хороших фильмах герой как раз приходит в племя и влюбляется там в самую прекрасную дикарку. А потом забирает её себе. Забирает навсегда. Разве не так?

– Ну, не знаю… – она уже совсем обмякла, почти мне не возражала, и то хорошо.

– Так. Только так, – ответил я за неё. – И я тоже свою любимую дикарку заберу себе. Ты мне нужна, Ульяна. Честно, нужна. И я тебя не оставлю ни тут, ни где-либо ещё. Да, я не говорю тебе, что люблю тебя, но не потому, что это не так. Я просто хочу подождать, окрепнуть в своих чувствах, может быть, чтобы однажды сказать тебе это честно и искренне. Сказать так, чтобы ты точно в это поверила и не сомневалась больше ни на секунду. И сказать тебе, только тебе, а не каким-то там девушкам из Москвы. Не придумывай этого больше, хорошо? Нет у меня кроме тебя никого, и не будет!

– Очень на это надеюсь, – на выдохе произнесла она.

– Хотя деда я винить не могу, – продолжил я. – Он в чём-то прав. Что-то я, действительно, ради тебя уже давно совсем ничего не делал, никаких подвигов пока больше не совершал. Как-то это неправильно, – я улыбнулся. – Неудивительно, что ты могла подумать, что я к тебе охладеваю. Но это не так, Ульяна. Знай, это не так! Но меня сейчас интересует другое: неужто ты готова ради меня оставить свою семью? Здесь ведь только что всё по-другому обернулось, потому как, после того, что я сейчас услышал, ну, про то, как государство поступит с дедом и Гансом, деда я одного тут не оставлю. Я-то как раз задержусь в городе, это не обсуждается, я не могу иначе поступить с человеком, который значит для меня всё, и бросить деда здесь на верную смерть. А, значит, всё сейчас выворачивается с ног на голову, и это ты совершаешь подвиг ради меня, ты остаёшься тогда, получается, из-за меня в Картанге, а не я из-за тебя? И ты готова на это?

– Готова, Максим, правда, готова, – уверенно ответила девочка. – И семью оставить, и в городе остаться. Я просто хочу быть с тобой. Быть с тобой рядом всегда. И ради этого я готова на всё!

– Ох, как же приятно, когда тебя любят, – я прижал её к себе ещё сильнее. – Но тогда, получается, тем, что я останусь, свою любовь именно к тебе я пока не докажу… К деду – докажу, а к тебе – нет. Эх, как всё сложно.

– Я докажу… зато я докажу… – тихо добавила она.

– Ладно, что поделать, потом придумаю себе какой-нибудь другой подвиг. И обязательно его совершу, чтобы ты точно во мне не сомневалась, – прошептал я ей на ухо.

– Хи-хи-хи, – засмеялась она, а у меня как камень с души упал. Вроде бы всё разрешилось. И быстро. Конфликт сошёл на нет.

– Накрутила ты себе, конечно, знатно, – улыбнулся я. – Не буду я тебя бросать, ни здесь, ни там, нигде! Я точно так с тобой не поступлю! Мне же всё в тебе нравится… Абсолютно всё! Не может не нравиться…

– Правда? – опять заблестели её наивные глазки.

– Правда, Ульяна, – я прижался своим лбом к её лбу и потёрся носом о её носик, – чистая правда. А любой кризис в наших отношениях мы преодолеем вместе. Только мы вдвоём. Но в следующий раз будь со мной честной, хорошо? И первым делом все свои сомнения высказывай мне, а не кому бы то ни было ещё!

– Хорошо, – смиренно ответила она. – И прости меня, что не доверяла тебе. Прости, я такая дура…

– Да ладно, считай, проехали, – улыбнулся я. – Но сейчас вопрос не в этом. Сейчас мы должны поступить по совести.

– Поэтому я и остаюсь, – добавила она.

– Мы остаёмся, – как отрезал я. – Мы уже давно с тобой одно целое и решаем за двоих. Я не против. Мы останемся в городе и дойдём до конца, – я легонько чмокнул её в губы, но тут же отстранился, чтобы она не продолжила поцелуй. Ей пока хватит. Не заслужила. Нечего всякую дурь у себя в голове накручивать!

– Ура! – прошептала она.

– Если ты хочешь со мной побыть чуть дольше, я дам тебе такую возможность, – хихикнул я.

– Дурак! – ударила она меня кулаком в грудь. – Я хочу быть с тобой всегда!

– Знаю, Ульяна, я знаю…

– Тогда, что мы решили? – спросил дед, поняв, что я со своей девочкой уже всё уладил.

– Спасти людей, остаться в городе, избавиться от спецслужб и провести эксперимент. Нельзя же, чтобы такая грандиозная установка, как ускоритель частиц, пропала тут зазря. Ульяна права, мы что, напрасно её строили? А если после всего останемся живы, подумаем, что делать дальше! – подытожил я.

– Будем поступать, как подсказывает сердце. Пусть и совершим ошибку! – добавила Ульяна. – Но зато совесть будет чиста!

– Согласен с твоей будущей женой! – засмеялся дед.

Решение было принято слишком быстро. Но оно уже принято. И никто из нас его больше не поменяет. Я это знал. Никто.

Я замолчал. Обычно мне не нравилось, когда мне что-то или, тем более, кого-то навязывали, особенно в личной жизни, но тут я чувствовал себя спокойно. Тепло и умиротворённо. Даже не из-за Ульяны. Из-за деда. Я чувствовал его любовь и заботу. Чувствовал, что я ему небезразличен как внук, как родной человек, а не как преемник его учёности. За все это время, и ещё за три месяца строительства ускорителя мы так с ним и не поговорили по душам. А обсудить было что. Я хотел, но что-то останавливало. Мы могли бы даже повыяснять отношения, но теперь это стало не важно. Зачем люди ссорятся, зачем кричат друг на друга, зачем выясняют эти самые отношения? Они всего лишь хотят в хаосе возникших эмоций узнать, почувствовать, есть ли в том человеке, с которым они ведут спор, хоть капля любви к ним? Есть

или нет? Мы будем орать, возвращаться к обсуждению прошлых ошибок, припоминать друг другу тупые мелочные оплошности, пока через очередную ругань не получим ответ на этот вопрос. Если любит – ссоры прекратятся. Если нет – человек уходит. Дед уже потерял моего отца. Он не хотел потерять меня. Я это чувствовал. Но только теперь я понял, что он меня любит. Только сейчас и только здесь в этой комнате. Он так сильно старался, так хотел сделать нам добро, сблизить нас с Ульяной ещё больше и решить наши проблемы, что это ещё может быть, как не любовь? Ведь он никогда раньше так о любви не говорил, но сделал это сейчас, настолько сильно перебарывая себя. Я решил, что со своими чувствами к Ульяне разберусь и сам, а сейчас я был рад за деда. Он наконец-то доказал мне то, чего я так хотел. Свою любовь. Не родной мне человек любил меня. И Ульяна тоже. Целых два. Да я богат! Даже стыдно. Я самый богатый человек на свете, но так редко ценил это. И они сейчас сидели здесь – самые родные мне люди. Они готовы были делать одно дело вместе со мной, невзирая на последствия. Это ведь так прекрасно.

Да, чувства к Ульяне, сильные чувства, у меня ещё не зародились. Это и понятно. Я вообще влюбляюсь постепенно и очень долго. Присматриваюсь, привыкаю. Но вроде бы сейчас что-то происходило. Главное – не останавливаться. Кто-то скажет сейчас, что незачем забивать голову любовью в таком раннем возрасте, но нет. У нас так сложились обстоятельства, и нам было самое время ею голову забивать. Не каждый же день оказываешься запертым в исчезнувшем городе. И не каждый день находишь в нём свою любовь. Именно такую любовь, какую бы тебе хотелось. Но когда такое происходит, этим голову забивать и нужно, и не важно, когда такое случается и в каком возрасте. Я дорожил Ульяной, очень дорожил. Хоть я сейчас и опять избежал сказать ей, что люблю её, кое-как обошёл эту фразу, наплёл, что пришло в голову, эх, моё красноречие. Но это не значило, что я не люблю её. Просто я не торопился. Сейчас это даже лучше. Это показывало мою стойкость, девочкам такое даже нравится. Я слышал. Главное, не передержать с роковым ответом. Иначе дед снова окажется прав, и я потеряю Ульяну навсегда. И её любовь ко мне тоже. Всё остывает, и её любовь тоже может остыть. Но нет. Я этого ни за что не допущу. А пока всё. Больше думать об этом я не хотел. К тому же, я видел, Ульяна оказалась полностью удовлетворена исходом беседы. Так что можно было её заканчивать.

– Поиграй ещё, поиграй, – попросил Ульяну дед, развеяв тишину. – Завтра будет тяжёлый день, поиграй. Душа отдыхает, когда ты играешь…

– Правда? – удивилась она. – Я же не профессионал. Это не должно нравиться!

– Нравится. Очень нравится. Ты полностью копируешь профессионалов, звук в звук, нажатие в нажатие. Этого уже, вроде как, достаточно. Но и душа твоя в этом есть. Душу ты тоже вкладываешь. Не только повторяешь механику. Это чувствуется, чувствуется сердцем, – уверил её дед. – Поиграй-поиграй. Завтра тяжёлый день. Поиграй, – Он повторил эту фразу ещё раз и замолчал. Дальше мы сидели молча, размышляли о своём под звуки Моцарта и не только. Ульяна знала не одну лишь «Музыку ангелов», но и много других произведений разных композиторов. Её короткий концерт продлился почти полчаса. Тем самым она окончательно убедила меня в том, что точно справится. Больше я в ней не сомневался. В конце мой дед подошёл к ней сзади и положил на уже закрытую крышку пианино листы с таблицами.

– Вот возьми. Это все аккорды твоей мамы, – проговорил он. – Все до единого. Перед началом эксперимента я на панели покажу наглядно, как их играть. Я понимаю, что память у тебя устроена иначе, но цифры ты тоже почитай и подучи заранее. Почитай и подучи…

– Да, я их уже учила, – ответила Ульяна. – Но у меня не очень получалось.

– Знаю, но всё равно подучи. Лучше помнить, чем подсматривать, так ведь? – мудро посмотрел на неё дед.

– Так, – смирилась девочка. – Хорошо, я выучу их, обещаю.

Глава 50

За несколько минут до начала эвакуации…

– «Давай, ну же, не межуйся! Тебе же здесь страшно! Любому было бы страшно. Так чего же ты ждёшь? Уходи!» – Я мысленно настраивал агента, который вместе со мной завёл фуру под купол, сбежать из города как можно быстрее. Для того, что мы задумали сделать дальше, не нужны были свидетели с той стороны. Я стоял. Не подходил ни к деду, ни к Ульяне. Замер. Ждал. В глазах агента, как мне казалось, повидавшего немало, был страх, смешанный с сильной растерянностью. Здорово. – Конечно, это Картанг, дружок! Тут новичкам быстро становится не по себе, – прошептал я. Приказа остаться агенту точно не давали. Он постоял, помялся на месте минуты две, а затем торопливо поднялся по мостику на выход. Есть!

Когда опасность миновала, я тут же подбежал к генералу:

– Валентин Иванович, можно взять вашу машину?

– Мою – нет. А любой «Уазик» бери, – не задумываясь, выдал Заботин. Дед и Ульяна уже стояли рядом. Теперь на мои резкие телодвижения, наподобие этих, они реагировали быстро. Моя команда.

Мы запрыгнули в машину. Дед за руль. Я рядом. Ульяна назад.

– Куда едем? – спросил дед.

– Пока просто подальше отсюда! – выдал я. Дед нажал на газ.

Пока мы ехали по главной дороге, я рассмотрел эвакуацию. Вдоль трассы друг за другом выстроились люди. Они старались не толпиться, а собрались во вполне ровную очередь один за другим. Где-то стояли парами. В руках мешки, тряпичные свёртки. Исчезли же все фантомные полиэтиленовые пакеты. Остались только старые простыни, одеяла, покрывала, их и использовали как тюки для переноса вещей. Ничего, подумал я, там за стеной людей ждёт новая жизнь. Купят всё. Не страшно.

Я, конечно, удивился, почему генерал не дал нам свою «Волгу», вряд ли он её в реальный мир из города забрал бы, всё равно же тут придётся бросить, но ладно. Нас устроил и «Уазик».

Ехали прямо, куда я показывал. В короткое время добрались до моста к острову. Очередь не заканчивалась и здесь. Только тут её каждые двести метров сопровождали военные, не давая людям сбиться в кучу, контролируя продвижение вперёд, предотвращая панику или иные неприятные ситуации. Мало ли.

Когда мы только доехали до возвышенности, я взглянул на город. Ужасающее зрелище. Некоторые дома покосились и даже частично обвалились. Обшивка-утеплитель исчезла, пластиковые окна тоже. Штукатурка сошла лавинами и разбилась о землю. Новеньких крыш как не бывало. Не хватало лишь одного, растительности, заковавшей дома в свои корявые лапищи, иначе я бы подумал, что попал в заброшенную Припять. Но вот в чём был парадокс, теперь от этого мёртвого города веяло каким-то облегчением. Будто с исчезновением фантомного мира Картанг выдохнул свою тяжесть.

– Всё, тормози! – приказал я деду, он повиновался. Машина встала на обочине за несколько метров до первого моста на остров. Я выбежал из машины и спустился под мост. Ещё секунда и я нырнул в воду прямо в одежде, но через полминуты был уже на берегу. Дед тоже спустился под мост и стоял спокойно. Недоумение читалось только на лице Ульяны, как и немой вопрос, на который я ей тут же ответил:

– Не знаю, убьёт ли это жучков, которых, возможно, ко мне прицепили. Но уже без разницы. – Я уставился на своих спутников.

– Что они сказали? – торопил меня дед. – Ну, департамент.

– Ничего хорошего. Вербовали меня, как ты и говорил, – тут же признался я. – Надо сообщить Гансу, что за ним выслали агентов. Их будут переправлять через стену во время эвакуации в костюмах, смазанных нашей жидкостью.

– Значит, происходит всё так, как мы и предполагали, – ответил дед.

– Более чем. Теперь я решителен как никогда! – заявил я в ответ. – Ульяна, звони своим, срочно!

– Уже! – Девочка взяла рацию и удивлённо посмотрела на меня, считав теперь мой немой вопрос. – Ты забыл, что фантомный мир отключён? Телефонов нет.

– Да, точно, прости. А это откуда?

– Ганс раздал, – вмешался дед. – Он хорошо вчера подготовился.

– Я тоже вчера хорошо подготовилась, – фыркнула нам Ульяна и далее говорила уже в рацию, – Ребят, внимание, скоро могут появиться гости. Будьте начеку.

– Принято! – ответил взрослый голос, затем последовало ещё с десяток аналогичных ответов.

– Вау! Тебе удалось их убедить? – спросил я.

– Ещё бы! – гордо ответила Ульяна. – А ты сомневался?

– В тебе? – усмехнулся я. – Нисколько!

– Ганс? – теперь уже дед достал из кармана ту рацию, которую я забрал из сейфа в квартире немецкого учёного.

– На связи. Что, за мной пришли? – ответил Ганс.

– Пока нет, но уже вот-вот. Смотрите за куполом, – сказал ему я вместо деда. Я чувствовал себя сейчас настоящим супергероем.

– Максим, пока тебя не было, мы проработали план. Значит, слушай, действуем мы так, – продолжал Ганс. – Стой на мосту и смотри на город.

– Допустим. Вы меня видите? – я развернулся, как он просил.

– Да, – подтвердил учёный. – Так вот. По прямой. Ну, как ты сейчас смотришь, делим купол пополам. Потом перпендикулярно ещё пополам.

– То есть на четыре части? – уточнил я.

– Угу. А каждую часть потом ещё на три. Сверху будет двенадцать часов. А дальше как у военных. Хотя, у военных это не так работает, но ладно, все в любом случае выучили именно эту схему. Так вот, проникать агенты будут в районе от семи до двенадцати часов. На большее у них времени не хватит, – подытожил Ганс.

– Да. Ждём, – я представил картинку и сразу же понял, о чём он говорит.

– Но на всякий случай мои люди сторожат и остальные участки суши, примыкающие к куполу, – деловито произнесла Ульяна. – Но в местах, про которые сейчас сказал Ганс, охрана, конечно, более усиленная.

– Прекрасно! – ответил я. – Ваня сказал, что границу купола снаружи совсем не охраняют, её просто пометили белой линией, но ближе, чем на двести метров к ней не подходят. Так что выброшенных за стену агентов долго никто не обнаружит!

– Это отличная новость! – обрадовался Ганс.

Позавчера мы ещё долго сидели с дедом и Ульяной в её штабе и обсуждали мелкие детали операции. Но, судя по всему, в моё отсутствие они подготовились ещё тщательнее и теперь мы были готовы к любому развитию событий.

И вот, обещанное главой департамента начало сбываться. Ровно через пятнадцать минут послышались первые отклики о начале вторжения.

– Всем внимание! Ровно на девять часов, в двухстах метрах от дыры в заборе появился наш первый клиент, – сообщил Ганс. Похоже, у учёного было две рации. Та, что вещала лишь нам в найденную мной в сейфе и обычная, для связи с нашей командой по нейтрализации департамента.

– Принято! – ответил кто-то.

– Так, стоп, друзья! – тут же остановил их Ганс, в его голосе читалось волнение. – У нас маленькая проблема, над городом только что появилась птичка.

– Какая птичка? – не понял я.

– Такая, с четырьмя пропеллерами, – усмехнулся Ганс. Всё стало ясно, он имел в виду квадрокоптер.

– Серьёзно? – не поверил я.

– А ты что думал? – сказал Ганс. – Плана города они не знают. Как бы ты на их месте ещё координировал продвижение спецгруппы?

– Ну да, логично, – согласился я. – И что нам делать?

– Надо же, департамент этот квадрокоптер тоже жидкостью покрыл, он прямо сквозь стену прошмыгнул, – добавил Ганс.

– Где он сейчас? – не на шутку заволновался я.

– Завис над больницей, – ответил немец.

– Так что делать?! – я уже начал паниковать.

– Испугался? – засмеялась Ульяна. – Не бойся, я и к этому была готова. Дядя Семён, вы на крыше? – спросила она далее в рацию.

– Да, на месте! – ответил грубый мужской голос.

– Снайперку взяли? – продолжала девочка.

– Она у меня всегда с собой, – усмехнулся мужчина.

– Прекрасно, птичку над больницей видите?

– А как же!

Обычно птичками в американских боевиках называют вертолёты, подумал я. Но ладно, я не мешал Ульяне и её людям играть в их игру и не встревал со своими неуместными замечаниями.

– Вы знаете, что делать! – добавила Ульяна.

– Так, стоп! – опять вмешался Ганс. – Не так быстро! Нам нужно одновременно с выстрелом по коптеру, вырубить и агента, который им управляет. Но тут ещё маленькая проблемка возникает, чуется мне, что это и будет наш главный – командир спецгруппы. И, кажется, это тот, кто прошёл сквозь стену первым. Поэтому, делаем так. Внимание всем! Трогать его и птичку пока нельзя, иначе срыв операции. Слышите, срыв операции! Если отключим командира слишком рано, остальные догадаются и сообщат в штаб за стеной. А нам такого счастья не надо. Потому пока стоим на месте и наблюдаем. Пусть главный почувствует себя в безопасности. Нужно, чтобы он беспрепятственно завёл за стену всех агентов. Всех до единого. Хорошо?

– Принято, – на выдохе ответила Ульяна. – Ребят, ждём, – скомандовала в рацию, подытожив озвученное Гансом, так как команда слушала только приказы девочки.

Но ждать долго не пришлось. Сообщения о том, что члены спецгруппы проникают сквозь купол в разных местах указанного Гансом промежутка, начали сыпаться в течение следующих десяти минут. Когда в город попал последний агент, мы выждали ещё минут пять, чтобы окончательно убедиться, что это вся группа. Но дальше медлить было нельзя. Максимум, что мы могли допустить, это чтобы агенты добрались до стены из колючей проволоки, но не дальше. В город их пускать мы не собирались.

– Можно? – спросила Ганса Ульяна.

– Думаю, да, – подтвердил учёный. – Они пока разобщены, вместе не собирались, это наш шанс. И я уверен, это все люди!

– Сколько их? – спросил я учёного.

– Вместе с тем, кто управляет коптером – двенадцать!

– Вот гад! – негодовал я. – Глава департамента мне глядя в глаза сказал, что их будет не больше четырёх!

– Ты бы от него правды никогда не услышал, – уверил меня дед.

– Не совсем. Думаю, отчасти, он тебе не соврал, – пояснил Ганс. – Агенты, а мне это визуально хорошо видно, разбиты на три группы. Думаю, ты, Максим, должен был встретить в указанной точке только одну, а про остальные не знать. Департамент хорошо подстраховался.

– Это уже не важно. С двенадцатью мы справимся? – теперь об этом я поинтересовался у моей девочки.

– Легко! – мгновенно ответила она. – Так что, можно? – спросила Ульяна Ганса, ей уже нетерпелось начать.

– Можно! – одобрил Ганс. – разрешаю огонь по птичке. Но помним, одновременно надо вырубить главного. А только потом всех остальных. И да, всех остальных желательно тоже одновременно вырубать, но там уже как получится. Главное, не допустить, чтобы они сообщили в штаб.

– Мы в курсе, – сказала Ульяна. – Ребят, готовы? Дядя Семён, готовы?

– Всегда! – опять ответил бас.

– Да! Готовы! – следом подключились те, кто, скорее всего, будут нейтрализовывать руководителя операции.

– И-и-и… – Ульяна явно смаковала этот момент, наслаждалась каждой миллисекундой. – Огонь! – на выдохе выпалила она.

До меня через рацию донёсся звук выстрела по квардрокоптеру. Снайперка была без глушителя. А потом началось. Жалко я этого не видел. Свои рации никто не выключал, чтобы нам было слышно, как агенты огребают тумаков. Всё, как договорились: обезвредить, вколоть снотворное, забрать все средства связи, связать и кинуть назад, предварительно полив спиртом костюм. Время на химическую реакцию ровно пять минут. Если успеют – агент останется жив.

– Первый готов! – сообщили по портативной связи. – Рацию изъял. Сдам при встрече.

– Спасибо, дядя Вадим! – ответила Ульяна.

За следующие двадцать минут наша группа быстрого реагирования отправила обратно за стену всех агентов без исключения. Но мы не расслаблялись. Прождали ещё час, на всякий случай. Вдруг департамент отправил бы вторую группу, если бы первая не вышла на связь. Но связь по изъятым рациям с ними извне не устанавливали вообще. Никто в них не сказал ни слова. Странно. Может быть, объявили режим радиомолчания, или как там он называется, пока не схватят Ганса, но и не важно, нам это было только на руку. Самое главное, основной состав группы до заявленного мной места встречи так и не добрался. Есть!

– Ладно, поехали назад. Нельзя отсутствовать слишком долго, – в итоге первым не выдержал мой дед. – Больше, чем на двенадцать костюмов у них жидкости бы не хватило. Примерно столько я и сказал, чтобы Заботин им выдал. Не думаю, что появятся ещё агенты.

– Ребят, спасибо за службу! Мы справились, – произнесла в рацию Ульяна. – Но пока все не расходитесь. Оставьте хотя бы по одному человеку на каждые сто метров!

– Будет сделано! – беспрекословно ответили из рации.

– Но где-то через часик уже можете возвращаться, – добавила девочка. – Ведь если что, Ганс нас предупредит, и мы успеем отреагировать снова и не пустить департамент в город.

– Конечно, предупрежу, – подтвердил Ганс.

– Принято! – ответили из рации.

Мы втроём забрались в «Уазик» и вернулись к месту эвакуации. Несколько парней из Ульяниной банды уже ждали нас там на старых советских мотоциклах.

– Припасли на крайний случай! – Улыбнулся тот самый Антон, который передавал мне записку на крыше ларька, кивнув на свой мотоцикл. – Они старые, правда, очень, их часто ремонтировать приходилось. Поэтому мы ими почти не пользовались, оставили на сегодняшний день, получается. Забирать их за стену уже не будем.

– Ясно, – ответил я.

Мотоциклы были брошены в лесу у трассы, а все устройства связи тут же сданы Ульяне. Та бережно передала их моему деду. За короткое время мы совершили невозможное. При этом сделали это быстро, красиво, играючи. Супер! Я бы повторил. Теперь дело за малым – попрощаться со всеми и задержаться в городе на неопределённый срок...

– Куда вы так сорвались? Я уже забеспокоилась! – Рита подбежала к дочери.

– Да, подумал, что утюг забыл выключить, – хихикнул я.

Она недоверчиво взглянула на меня и забрала с собой дочь. Дед показал мне поднятый вверх большой палец. Все наши предположения оправдались. Все до последнего. Департамент нас обманул. Но дело, тем не менее, было сделано. Мы их уже переиграли. Осталось самое главное…

Глава 51

Через пять минут после завершения эвакуации…

После того, как Ульяна толкнула мостик, мы тут же отбежали метра на три вглубь кузова фуры, чтобы нас по инерции не выкинуло из машины, когда дед тронулся с места. А то весело бы было, провернуть такую непростую операцию, а потом тупо вывалиться кубарем наружу и остаться за стеной. Но нет. Мы были не настолько глупы.

Когда автомобиль въезжал под купол, я на мгновение подумал, что спецслужбы откроют по нему огонь. Даже упал на пол, потянув за собой Ульяну. Но представители департамента в этот момент настолько опешили, что не сообразили сделать даже этого.

Грузовик скрылся под куполом. Теперь я окончательно был уверен, что нас в городе осталось четверо. Своровать жидкость было возможно только на двенадцать костюмов. Наверное. Скорее всего, дед прав, подумал я. За подачей снаружи ведь никто не следил. Зато Заботин изнутри точно всё дозировал. Сколько нужно жидкости на покрытие машины Ганс, как умный человек, быстро ещё вчера просчитал. Сколько мы примерно подарим агентам, чтобы раскрыть их коварные планы – тоже. Так что всё, это конец и полный провал для спецслужб.

Через минуту, столько потребовалось людям за стеной, чтобы прийти в себя, мой и дедов телефон разрывались от звонков. Дед свой тут же отключил, а я поднял трубку.

– Мальчик, что ты делаешь?! – закричали из динамика, голос главы департамента я узнал сразу.

– Это уже вам решать, что я делаю. Пусть будет – спасаю мир! – ответил я. Сердце отчаянно билось. Но теперь адреналин выделялся скорее из-за того, что я был счастлив. Счастлив, что совершил такое.

– Ты не понимаешь, с кем связался! – продолжал орать он.

– Это вы не понимаете, агент, – теперь крикнул уже я. – Простите, даже не знаю вашего имени. Ничего вы не понимаете. Считаете, что я поступаю неправильно? Прикажите своим псам схватить меня!

Голос в трубке замолчал. Через десять секунд завопили изъятые рации.

– Приём, приём! Сокол, ответьте, Альфе!

– Сокол на связи, только он уже не летает! – язвительно проговорил я в рацию.

– Это ты?! – глава был явно ошарашен.

– Я. Я. Не ожидали? – Тут меня обуял такой истеричный смех, что на той стороне ждали, когда я просмеюсь почти минуту. – Вы меня обманули! – выпалил далее я. – Четыре агента? А мы обезвредили двенадцать! И поверьте, это было несложно! Не бойтесь, они все живы и сейчас связанные лежат вдоль стены. Можете их забрать в любое время.

– Говорю ещё раз, ты не знаешь, с чем связался! – повторял глава одно и то же, как попугай.

– В прошлый раз вы говорили: «с кем», но отвечу на последнее, – выдохнул я. – Это вы не понимаете. Ничего вы не понимаете! Аномалия? Вы вообще видели хоть одну? Представляю, как вы психовали, когда вас отправили служить в этот департамент. Думали, небось, за какую же такую провинность нас летающие тарелки или привидений отлавливать кинули? Надо было учиться лучше! – Я перевёл дыхание. – А как ржали в этот момент ваши коллеги. Ржали над вами. Над кучкой неудачников, поставленной следить за тем, чего не существует. И что? Хоть одно привидение поймали?

– Мальчик, ты понятия не имеешь, о чём говоришь, – ещё сильнее психовал агент. – Ты знать не знаешь, с чем мы имели дело и имеем сейчас. И тебе этого знать не положено.

– Потому что ни с чем и не имели? – опять рассмеялся я. – Уверен, Картанг это единственная аномалия, которую вы видели на своём веку, и то до последнего не верили, читая

отчёты ещё ваших предшественников из КГБ, что всё это на самом деле произошло в СССР в 86-м.

– Ты совершенно не представляешь, как устроен наш мир! – не сдавался агент. – Ты не знаешь, что нам пришлось видеть!

– Хотите сказать, вы знаете, что находится в египетских пирамидах? А в зоне 51 в США? Вы засылали туда своих шпионов? А в Бермудском Треугольнике бывали? А база 211 в Антарктиде реально существует?

– Мальчик, какой же ты дурак! – не выдержал он.

– Может и так, но вопрос ведь в другом, – я упёрся рукой в обшивку фуры. – Это единственная аномалия, которую видел я. И я… я теперь ответственен за неё. Понимаете? Ответственен. Поймите же вы, агент. Мир к этому ещё не готов. Мир никогда не будет готов к аномалиям в принципе! И понятно, почему вы их скрываете, если они реально существуют. Ну, другие, помимо Картанга. Но этот город исчез, он не должен был появиться. Не сомневаюсь, он значился у вас в документах висяком, не больше. Подписали, небось, в заключении по делу, что Америка с Японией или с кем-то там ещё просто уничтожила город неизвестным видом оружия. Будто бы вы верили, что этот бред с исчезновением в пространстве возможен на самом деле?

– Какая разница, во что мы верили?! – продолжал пылить он.

– Это большая ошибка! Вы хотели арестовать Ганса? Уверен, вы хотели завладеть и секретной документацией? Зачем? Сотворить это ещё раз? Вам не страшно? – не переставал давить на него я.

Мой дед в разговор не вмешивался, даже руками не жестикулировал, подсказывая, что говорить, а мне самому нравилось, как я разошёлся. Ульяна особенно не слушала. Она делала обход вдоль машины, оглядывалась. Боялась, что кто-то ещё может проникнуть под купол.

– И что ты собираешься делать, Максим? – спросил глава. – Тут твоя семья. Тут твоя жизнь. Тут твоё будущее, наконец. Не ломай всё сгоряча! Ты же ещё молодой, зачем тебе такие жертвы? Неужто ты останешься там под куполом до старости?

– Если надо будет, то останусь! – гордо заявил я. – Пока мы единственная страховка для всех этих людей. Страховка их будущего. Их нормальной жизни. Вы не знаете, что происходит под куполом, и никогда не узнаете. Но одно вы знаете точно, связь с реальным миром тут есть. И связь хорошая. И поверьте, с людьми за стеной мы сможем связаться в любое время. Попробуете блокировать связь в Картанге и на всей оцепленной территории глушилками – дерзайте! Город перемещается, мы сможем переместить его в любую точку на нашей планете, а вы никогда не узнаете куда, так как он невидим извне. Или вообще отцепим его от Земли и отправим в космос. А оттуда мы найдём, как связаться с Землёй без блокировки, поверьте. Вы проиграли, агент, признайте это. А если вы причините вред освободившимся жителям Картанга, если с ними что-то произойдёт, вы решите ликвидировать их или лишить свободы, мы об этом узнаем точно, и тогда секретная технология будущего будет случайно продана США.

– Мальчик, что ты творишь?! – глава уже давно вышел из себя и сейчас мог говорить только на эмоциях.

– Пока ничего, я просто знаю больше вашего. Гораздо больше. Хотя нет, не США. Лучше Северной Корее. Нет. Тоже нет. – Меня снова одолел истеричный смех. – Лучше и США, и Северной Корее одновременно. Устроим вам большой бум. А сами будем наблюдать за разразившейся третьей мировой войной в далёком космосе!

– Зачем? Ты ненормальный? Ты сейчас ратуешь за людей, но сам же угрожаешь нам мировым конфликтом. Ты понимаешь, что говоришь?

– Затем, что я уже всё потерял. Своим решением перечеркнул всё. Уже поздно, агент. Уже поздно мне что-то менять. Я же ненадёжен. Я изменник. Мне конец, – тараторил я. – Если я сейчас выйду, то однозначно окажусь в тюрьме! Поэтому я тут, и снаружи больше не появлюсь!

– Слушай, парень. Девочку хоть отпусти!

– «Слушай, парень»? – прорычал я. – Вы обратились ко мне «слушай, парень»? Ненавижу к себе такое неуважение! Пожалели её? Никогда не поверю! Не надо внушать мне чувство вины! Не получится! Мы теперь с ней хранители этого места! Хранители аномалии!

Я услышал, как в трубке резко появились посторонние шумы. Агент, похоже, вышел из той гермо-машины на улицу. Он стал с кем-то перешёптываться, но о чём, я не понял. Дальше последовали ещё какие-то звуки, а затем голос Вани:

– Эй, братан, – хихикнул он. – Смотрел фильм «Враг государства»?

– Это намёк? – возмутился я.

– Что ты! Даже в мыслях не было! – теперь рассмеялся Ваня в полную силу. – Тут главный мне трубку передал, чтобы я тебя убедил выйти, но хрен им! – резко завил он после. – Сиди там! Не слушай их! Они твоего деда собирались арестовать! – прокричал в трубку мой лучший друг. После этого я с уверенностью мог так его назвать. Дальше последовал удар. Похоже, Ваня получил в челюсть.

– Эй, агент? – крикнул я. – Вы меня не поняли? Нельзя. Нельзя трогать никого! Иначе я приму меры. Я понимаю, что вы рассержены, выбиты из колеи, потому что мы спутали вам все планы, и вы не можете сейчас ничего сделать, но имейте честь и не переступайте черту! Я знал, что вам нельзя верить, но теперь в этом убедился. И я кое-что вам вчера не сказал. Не сказал самого главного – Ганс следит за городом через купол. Купол – это передающее устройство. Так что мы точно никого не пропустили, ни одного спецназовца. Мы здесь одни. Мы можем выбраться, просто не хотим. А вы не можете сюда попасть. Больше не можете. Жидкости у вас нет, а синтезировать новую не способен никто, как бы вы её ни изучали. Город не засечь никаким радаром. Лучшее место, чтобы хранить тайны. Я думаю, вам бы эта технология тоже пригодилась. Не только вечный двигатель, но и самый неприступный сейф. Поздно. Это всё наше! Не пользуйтесь водолазным костюмом. Он обезврежен. Перед тем, как я к вам прошёл, мы полили его спиртом, который нейтрализует вещество. Ах, да, о нейтрализаторе вы ведь тоже не знали. Вы проиграли, агент. Имейте честь признать это.

– Не только костюм! – прокричал Ваня, проглатывая слова. Ему, похоже, сильно досталось. – В бак я тоже налил спирт, как ты просил!

– Спасибо, друг! – обрадовался я.

– Ну, не совсем прям спирт, конечно, – признался Иван, – три бутылки вискаря туда спустил! Никто даже не заметил!

– Хе-х! А ты молодец!

– Стараюсь!

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? Я понимаю, ты боишься! – агент вырвал рацию. Он, кажется, решил пойти на компромисс.

– Не понимаете, – опроверг его я. – Я не боюсь. Я просто никому не верю. Увидев такое, увидев то, что есть в Картанге, больше нельзя никому верить. Согласны со мной? И я просто не могу переступить этот барьер. Отдать такую тайну людям? Правительству? Не только нашему, любому правительству. Ни-за-что! Это место выбрало меня. Этот город – моя судьба!

– Вы будете в нём совсем одни! – продолжал агент. – Одни много лет. Ты не выдержишь и сломаешься!

– У нас будет фантомный мир, этого достаточно. И куча времени, чтобы не дать вам совершить неправильные поступки. Заканчиваем, агент. Ещё раз прошу, имейте честь и не перекайтесь. Это конец. Своих решений я не меняю, и мои люди, оставшиеся здесь со мной – тоже его не поменяют. Дайте попрощаться с семьей. Телефон этот всё равно придётся уничтожить. Как мы будем связываться с реальным миром, я вам не скажу, это уже наша проблема.

Я и забыл, что всё это время говорил в рацию, изъятую у засланного гостя. Но телефон всё ещё работал. Я теперь переключился на него и врубил там громкую связь. Шуршание. Похоже, глава департамента меня послушал. Передал трубку кому-то. Я услышал голос отца:

– Сын! Остановись, ещё не поздно! Мы все понимаем, юношеский максимализм и всё такое. Выходи, не тронут они тебя! Я за них ручаюсь! – запричитал он.

– Пап, нет, не выйду! Так надо. Деда я не брошу. Меня, может, и не тронут, а его в покое больше не оставят. Даже без Ганса. А ты знаешь, как я им дорожу.

– Ты выбрал деда, но не нас? – сетовал отец. – Не нас, не своих родителей?

– Это моё решение. Не думайте, что из-за этого вы мне не дороги. Дороги. И ты, и мама. Правда, очень дороги! Но не будем долго говорить, мы и так вчера хорошо провели время. Я никогда не забуду этот день. Пап, прости. Я знаю, что у тебя нет СМС-оповещения. Проверь карту. Я вам денег перевёл. Это гонорар за перегон. – Я снова засмеялся, не знаю почему. – Там много. И пап, знай, я вас с мамой очень люблю. Только не разводитесь.

Я услышал, как он заплакал. Слов отец больше не нашёл. Я понимал, что это моё «не разводитесь» не особо поможет. Теперь без меня они точно разойдутся, этого не миновать, их больше ничего не будет связывать, ведь своим решением остаться в городе я сделал только хуже. Но ничего уже было не изменить. Да и попытка не пытка. Телефон перешёл к следующему.

– Дай мне мою дочь! – скомандовала Рита. Отвечать ей я не стал. Стоило мне сказать хоть слово, и мне несдобровать. Передал трубку своей верной спутнице.

– Да, мам, – сухо сказала Ульяна.

– Ульяна! Зачем?! Зачем, дочка?! Зачем?! Ты же так хотела выйти! – теперь её голос я слышал чуть отдалённо, но всё понимал.

– Мама, а что мне было делать? – с удивлением спросила девочка. – Ты сама отказалась проводить эксперимент. Сама отказалась помогать человеку, который хотел изменить мир!

– Так, стой! – опешила Рита. – Я тебя правильно поняла? Ты хочешь стать четвёртой? Ты для этого остаёшься? Ты что, сдурела?

– Ты отказалась, значит, четвёртой буду я! – уверенно ответила Ульяна.

– Но зачем? Зачем тебе это? – Рита была не на шутку ошарашена.

– Потому что так правильно! Вот зачем. Нельзя бросать Ганса, пойми, – заявила девочка. – Он этого не заслужил! И я его тут одного не оставлю! Ты же знаешь про особенности моей памяти? Я точно смогу запустить ускоритель. Я всё запомнила, что ты делала на панели, я проведу эксперимент, не беспокойся за меня!

– Ганса? – обомлела Рита. – Он же обманул всех нас, использовал в своих целях. И ты его пожалела? Поверить в это не могу! А прадеда своего тебе не жалко? Ты что его не любила, дочка? Прадеда, которого убил Ганс, своего друга, между прочим!

– Любила, но ты же знаешь, мама, что Ганс этого не делал! Он его не убивал! Не будем об этом! Я должна так поступить. Я остаюсь и точка!

Трубку опять вырвал глава департамента:

– Я правильно тебя понял, – также на повышенных тонах проговорил он. – Вы собираетесь провести эксперимент?!

– Подслушивать нехорошо! – спокойно ответил я.

– Парень, ты сам себе противоречишь! Помогаешь учёному изменить мир и не хочешь отдавать этому же миру его открытие!

– А это уже мое дело, отдавать или не отдавать, – фыркнул я. – Мир к такому ещё не готов. Поверьте, не готов. Пусть дерутся за нефть. Пусть исследуют атом. Но «синее зеркало» я вам не отдам. Может, в будущем, когда мы, наконец, полетим исследовать космос. Может, тогда «синее зеркало» и станет новым источником энергии, и его не опасно будет синтезировать

вновь. Но пока я вам не верю. Не время. Сами вы такое не повторите. Это изобретение только Ганса и больше никого. Он правитель нового мира! Мира будущего, которое наступит нескоро.

– Правильно: «праотец»! – улыбаясь, прошептал дед.

– Девочка моя! – Рита выхватила трубку у агента. Там за стеной творилась неразбериха, – Выйди, прошу тебя! Ты же так мечтала о свободе!

– Нет мам, не могу! – Ульяна теперь сидела рядом со мной на подножке у двери в кабину фуры. – Я останусь здесь, чтобы вы жили спокойно. Я буду звонить, правда, мам, нечасто, но буду, я не пропаду навсегда! Но я останусь. Как бы сильно я не хотела уйти с вами…

– Мы видели слишком много, – вмешался я. – Такая у вас дочь, Маргарита Михайловна, она просто хочет дойти до конца!

– Так поступить подсказывает мне сердце, – завершала разговор Ульяна. – Значит – так правильно!

– Не могу в это поверить… – ответила Рита.

– Поверишь. Со временем, – добавила Ульяна. – Мам, я правда хочу быть с вами. Хочу съездить в Сочи. Очень хочу. Это же моя мечта! Со всеми вами, с Настей, с папой, с тобой. Мечта, но, видимо, не судьба… Ведь если не я помогу Гансу, то больше никто! Поезжайте в Сочи без меня. Обещай, что поедешь? Ради меня, обещай!

– Ладно. Береги себя. Тебя и раньше было ни в чём не переубедить, – сухо ответила Рита. – Делай, что хочешь!

– Мама, это жестоко! То, что ты говоришь, но так надо, прощай! – Она отдала мне телефон. Кажется, на этот раз беспроигрышная фраза «делай что хочешь» не сработала. Куда мы идём? Что будет дальше? Мы не знали. Но порог мы уже переступили. Поздно. Теперь только до конца. Вместе до конца!

– Чувак, ну ты и крут! – Голос Вани, хоть и теперь уже гнусавый, после всего сказанного было особенно приятно слышать. Трубка опять оказалась у него.

– Это ты крут, брат! Завалиться на Лубянку? Даже я бы испугался! Ни за что бы не пошёл! – похвалил я своего друга.

– Да ладно тебе, но это! Блин! Хотел бы я быть рядом с тобой сейчас! – пока легко намекая, предложил свои услуги Ваня. – Обучил бы меня этой всей фигне. Эксперимент бы провели вместе! Всё равно тут жить скучно. А у тебя там целый коллайдер!

– Это не коллайдер! Просто ускоритель! – поправил его я.

– А ну да, да! Помню. Но блин! Давай, может, махнёмся? Девочка пусть к маме, а я к тебе, раз тебе четвёртый нужен? Сказал бы раньше, я же двумя руками «за»! Я обучаем, понажимал бы там на твои кнопочки. Это же как в комп рубиться. Наверное…

– Нет, Ваня. Спасибо, но нет. И далеко ни как в комп, всё намного сложнее…

– Да ладно тебе, это я прикалывался. Но ты же меня знаешь. Меня легко научить многому. И сейчас я абсолютно серьёзен. После саботажа, что я тут устроил, мне же теперь спокойно жить не дадут. С института по-любому отчислят нафиг! Работу тоже вряд ли смогу найти. Уж я знаю, государство меня без наказания не оставит. А у тебя там так круто! И я там буду под защитой стены. И хоть дверь ту стимпанковскую вживую увижу! Да и всю лабораторию! Это же обалдеть можно от такого! Давай, я не боюсь остаться в Картанге с тобой, честно слово. Я такой же обезбашенный, как ты!

– Знаю, Вань, но нет, не уговаривай, – остановил я его. – Не тронут они тебя, я же теперь всех вас незримо охраняю. А твоя судьба оставаться там, потому что девочка сама не захочет, не согласится на обмен.

– Правда? Почему? – недоумевал Ваня.

– Догадайся, – игриво ответил я. Пять секунд молчания.

– Да ладно, чувак? Серьёзно? Она в тебя втюрилась? – понял Ваня.

– Ну, не втюрилась, а проявила симпатию. Ну ладно, скажем так, влюбилась. И сильно. Очень сильно, – я немного замешкался.

– Я ему в любви призналась, – встряла в разговор Ульяна. – И ни о чём не жалею! Я очень люблю Максима! Очень!

– Да, брат, – добавил я Ване. – Прости, что не сказал раньше, вроде как это важная информация была, а я взял так от лучшего друга её и утаил. Но я тут уже вроде как три месяца в отношениях и меня всё устраивает.

– Да ладно, я не в обиде, – усмехнулся Иван.

– Тогда прекрасно! – обрадовался я.

– Ну, чувак, что ещё тут сказать, – подводил итог Ваня, – совет вам да любовь! Только ты это, с близостью особо не спеши. Ещё четыре годика подожди и можно будет. А то загремишь в фантомную тюрьму! – хихикнул он напоследок.

– Разберёмся. Но я для себя всё решил. Ульяна моя девушка. Мне теперь деваться некуда, – улыбнулся ей я.

– Правильно, никуда он не денется, – продолжала встревать Ульяна.

– Да, брат, влип ты конкретно, – добавил Ваня. – Ладно, удачи. Жду от тебя звонка по закрытой линии. Ты же знаешь, ты мой лучший друг. Был и есть и всегда им останешься!

– И ты, Вань, пока! Я никогда не забуду, что ты для меня сделал. Спасибо тебе за всё! И с папой там моим контакт не разрывай, раз вы так подружились. Ему сейчас поддержка как никогда нужна будет.

– Не за что, брат! Не разорву, обещаю! – закончил он.

Сложно ли прощаться с любимыми? Наверное, да. Конечно, сложно. Мы уходим, может, не встретимся больше никогда. Только куда уходим? Скорее, расходимся, мы ведь с дедом и Ульяной остаёмся в городе. Хотя нет, уходим. В открытый космос, возможно…

Разговор не закончился. Только на этот раз меня сильно удивило, кто стал моим собеседником:

– Максим, это генерал Заботин. Послушай, не отключайся. Я переубеждать тебя ни в чём не буду. Меня никто не уполномочивал, а самому мне всё равно. Это твой выбор. Моя миссия тут закончена. Люди спасены. А остальное меня мало беспокоит.

– Да, генерал, их судьба всегда была в ваших руках, думаю, так будет и сейчас, – подтвердил я. – Берегите их. Не бросайте. Но вы и меня поймите. Я такую сложную игру на воле не потяну. Не потянет её никто из нас. Ни я. Ни дед. Ни Ульяна. Остаться – это лучшее решение!

– Максим, я всё понимаю. Но дело не в этом. Я хочу тебе кое-что сказать, – генерал замолчал. Он ждал моего одобрения.

– Говорите, я слушаю, – почти шёпотом ответил я и немного насторожился.

– Отключи громкую связь, это касается только нас двоих. Нельзя, чтобы нас услышали.

– Но нас всё равно услышат… – недоумевал я.

– Я имею в виду не тех, кто здесь, а тех, кто там с тобой… – прошептал генерал.

– А, да? – смутился я. – Ну, ладно, – далее я как-то быстро подчинился и сделал то, что он просил. – Отключено. Я даже отошёл. Мы одни, будьте уверены!

Я не соврал. Звук теперь шёл только мне в ухо, а я находился в метрах десяти от остальных своих спутников.

– Хорошо, – одобрил Заботин. – Что тебе даст эта информация, думай сам. Но она касается Ганса. Поэтому прошу предельной внимательности. Так вот. Я проверил сметы.

– Что проверили?

– Сметы на продукты, – пояснил генерал. – Ну, на те самые, которые Ганс на втором уровне берёг. За что ему, спасибо, конечно, но вопрос сейчас в другом.

– А, я понял. И что? Они сохранились? Тридцать лет же прошло!

– А что с ними сделается? – удивился мой собеседник. – Пожелтели только немного. Так вот. Дело в том, что там и без смет всё понятно было. Потому что я же лично участвовал в наполнении запасника продуктами. Помнил даже визуально, сколько там всего было. А тут ещё и сметы подтвердили. Ведь тогда в 84-м году мы завезли в город ровно столько продукции, сколько было там указано. Чётко по списку. Ни консервой меньше.

– Так что они подтвердили-то? – недоумевал я. – Давайте по делу. Я пока не улавливаю суть.

– Хорошо. По делу, так по делу, – согласился Заботин. – Суть в том, что, судя по сметам, продукты на момент начала работ на ускорителе, то есть три месяца назад, оказались почти не израсходованы. Мне даже кажется, что для отвода глаз Ганс просто вскрыл несколько ящиков перед самым своим освобождением, раздербанил консервы, а их содержимое вылил куда-то.

– Что?! – я был, мягко говоря, поражён. – Я вас не понимаю, генерал. Вы хотите сказать, что Ганс тридцать лет ничего не ел?!

– Это не я хочу сказать, а сметы… – сухо ответил он.

– Слушайте, ну, может, у Ганса были свои продукты? – предположил я. – Открою вам секрет, он и в этот раз не всё вам отдал, припас для нас немножко. Для меня, деда и…

– Нет! Своих у него точно не было. Это гарантировано, – возразил Заботин. – Ни одна консерва тогда в 84-м мимо нас с Литвиным бы не прошла. Я же этим занимался. Я запасник наполнял. Я всё учитывал, сколько принял запасов. Сколько уходило первое время на кормёжку людей. Я и сейчас не оставил всё без внимания, и сколько ушло еды для горожан, работающих на восстановлении ускорителя, тоже просчитал досконально. А тогда в 80-тых мы с Литвиным ещё и дополнительно их опись проводили. Я не могу ошибаться. Только не так и не сейчас!

– Но это же какой-то абсурд! Как можно прожить тридцать лет и ничего не есть?!

– Не веришь, посмотри сам и убедись, что я прав. Я всё оставил у себя в кабинете. Там и сметы, и накладные на груз, и опись даже наша с Литвиным сохранилась, – генерал прокашлялся. – Почитай, поизучай, разобраться в этом несложно, и ты сам всё поймешь. Клянусь, я ни в одном документе ничего сейчас от себя не подрисовывал, они абсолютно подлинные. Город теперь ваш. Продукты, кстати, тоже ещё остались. Их и в настоящий момент не все съели. А вывозить их нам без надобности. Бери и сравнивай. Сколько ушло на пайки, сколько осталось, и сколько было потреблено раньше.

– Но это невозможно! Как такое…

– Теперь это твоя забота, – перебил меня генерал. – Свои предположения я делать не буду. Воинскую часть тоже забирай. Ты парень смелый. Всё твоё. Дарю! Там много техники. Оружия. Целый склад боеприпасов. Взрывчатка есть, гранаты. Даже танки. Наслаждайся.

– Вы предлагаете мне напоследок пострелять? – усмехнулся я.

– Дело твоё, город полностью твой. Считай, сдаю тебе его без боя и с лёгкостью на сердце, – выдохнул он. – А по поводу оружия… это на случай, если Ганс не тот, за кого себя выдаёт. Просто будь осторожен.

– Танк я водить не умею, но ладно! И я вас правильно понял, вы думаете, что Ганс и есть древнее зло? – догадался я.

– Максим, я ничего не думаю, я просто сказал, как есть. Решишь эту головоломку и сможешь оправдать Ганса, так хорошо! А нет – береги себя. Но не предупредить тебя я не мог, – ответил Заботин.

– Хорошо, ладно. Задали вы мне задачку, конечно…

– Задал. А ты думай. И будь начеку. Ну, ладно, у меня на этом всё, так что – прощаюсь, – подытожил генерал.

– Хорошо, прощайте. И спасибо вам! Спасибо вам за всё, генерал. За помощь людям и… за то, что меня не убили там на ветрогенераторе – особенно, – улыбнулся я.

– И не убили бы… мои стреляли мимо, хотели просто попугать, – признался Заботин. Но правда это была или нет, я понять уже не мог, хоть и всё равно сказал:

– Что же, это успокаивает. Хотя я в тот момент не думал, что выживу. Было безумно страшно. Но ладно, я на вас зла не держу, так и быть, вы же защищали город. Но, генерал, раз мы всё равно больше не увидимся, и слышу я вас тоже, скорее всего, в последний раз, скажите мне ещё вот что…

– Да, спрашивай, – генерал сейчас оказался на редкость откровенен и открыт к диалогу.

– Как вы узнали о том, что я пришёл в квартиру Ганса? Охраны же там больше не было… – спросил я далее.

– Ну да, – ответил генерал, – не было. В середине девяностых, когда изобрели нормальные камеры слежения, и они появились в России, патрули мы не сочли нужным больше там в подъезде оставлять. Зачем людей мучать? Вот и повесили камеры с выводом на монитор в моём кабинете. Хоть они были и фантомные, но служили исправно.

– Камеры? Как я не догадался! – усмехнулся я.

– Ты бы их и не заметил, они хорошо замаскированы…

– Генерал, и ещё вопрос, обещаю, он будет последний.

– Да хоть два! Я теперь никуда не спешу, – выдал он.

– Скажите, неужто вы не нашли сейф в квартире Ганса? – тут же спросил я. – Не может этого быть, у вас же металлоискатели по-любому есть, и всякие там штуки, могли же стены просветить, да и…

– Конечно, нашёл, – заявил Заботин.

– Тогда сразу назревает другой вопрос – почему не открыли? – поразился я. – Вряд ли вы забыли настоящее название города. Уж для вас точно пароль был лёгкий. Да даже если бы и не открыли, почему не уничтожили содержимое, нажав любую кнопку, раз вы так ненавидели Ганса?

– Ну, как тебе сказать, – генерал задумался, но тут же продолжил. – Я хоть на Ганса и был зол, но не кидался в крайности. И отделял личное от общественного. Потому я не мог допустить, чтобы единственная надежда на выход из города пропала навсегда. В итоге так получилось, что последующие тридцать лет о сейфе знали только я и Пётр. И знали, что в нём. Пётр знал, потому что связывался с Гансом из его квартиры, и это было очевидно многим, хоть тот открыто об этом никому не говорил, а я догадался, так как хорошо помнил эти рации. Их же Ганс сам изобрёл и сконструировал. В них же даже установлен собственный диапазон частот, то есть к ним с обычных раций не подключиться. Только я после последнего визита Петра в квартиру Ганса хоть и обнаружил сейф, но про него никому не говорил. Я хотел оставить эту возможность связаться с Гансом, но только для себя, чтобы только я мог выйти на Ганса в случае критической ситуации. Точнее даже, в случае безвыходной ситуации. Но больше никого к сейфу подпускать не собирался. Даже Петра во второй раз. Потому даже не открывал сейф. Так было надёжнее и сохраннее для рации. Как и не говорил никому о его существовании. Что интересно, не проговорился и Пётр, хотя мы с ним об этом заранее не договаривались. Уверен, он тоже понимал, что опасно давать людям такую надежду. Опасно. Мог случиться очередной бунт. И я думал так же. Я уверен, ты уже понял мой принцип взаимодействия с населением.

– А если бы открыли, Ганс бы об этом сразу же узнал, – вспомнил я. – У него там какой-то механизм оповещения установлен, ведущий прямо в лабораторию.

– Вот, видишь! Значит, я всё правильно делал! – заявил Заботин.

– Получается, главным предметом в сейфе для вас была рация, а не ключи?

– Какие ключи? – искренне не понял генерал.

– Ладно. Не важно, – заканчивал я разговор на эту тему.

Действительно, откуда генерал мог знать о ключах, когда они только Ганса?

– А вы продуманный, – похвалил я под конец Заботина. – Поначалу я считал вас слишком упёртым и радикальным в суждениях и действиях, но теперь убедился, что это не так. Вы сдержанный и гибкий бываете в нужный момент. Ладно, спасибо ещё раз вам за всё и прощайте!

– Тебе спасибо за свободу. И за то, что не подставил меня, а сам обезвредил спецгруппу. А то не хотелось бы мне по выходу из-под купола сразу под трибунал идти, – усмехнулся напоследок генерал.

– Мы это тоже учли, когда планировали операцию, – в довесок обрадовал я его, – так что живите спокойно. Вы это заслужили. И знайте, генерал…

– Да?

– Знайте, вы хороший человек. Правда, хороший, – я решил, что это стоило озвучить. – И несмотря на то, что между нами часто возникали разногласия, мне было приятно работать с вами!

– Спасибо! Мне тоже, – коротко ответил он. – Честь имею!

Заботин попрощался по-военному. Кажется, всё. Но нет!

– Парень, послушай меня. Не совершай глупостей, – глава департамента всё время стоял рядом. – Забудем про вечный двигатель. Я не думаю, что ты знаешь так много, что будешь нам полезен. Если ты выйдешь сейчас, мы тебя не тронем. Пожалей мать девочки. Выходите вдвоём. Мы не испортим тебе жизнь. Вернешься к обычному ритму.

– Уже не вернусь, к сожалению. Невозможно будет жить как обычно после того, что я видел, – опроверг я и эти его доводы.

– Но жителям Антарска же придётся! Дай мне услышать твоего деда. Он вменяемый человек. Я хочу поговорить с ним.

– О чём? О том, как вы будете его арестовывать? – рявкнул я. – Ну уж нет! Жители жителями, а мы – это мы. Прощайте, неизвестный мне человек. Если больше никто ничего не хочет сказать, то я отключаюсь.

– Эй, стоять! – тут же крикнула мне Ульяна. – Куда? Рано ещё отключаться! Дай я попрощаюсь! Я не могу вот так уйти, ничего не сказав своим ребятам, – я машинально протянул ей трубку.

– Агент, прошу вас, включите громкую связь, – попросила девочка.

– Как вам будет угодно, – съязвил он, но подчинился.

– Ребята из моего братства, – начала она, делая небольшие паузы. – Если вы меня сейчас слышите, знайте, мы были отличной командой. Простите, что не сказала вам всей правды раньше, о том, что я остаюсь. Но так было надо, поймите. Вы бы стали меня отговаривать, а это не нужно, я своих решений не меняю. Либо захотели остаться, примкнуть ко мне и здесь, а это не нужно тоже. Я больше не имею права подвергать вас опасности. Вы и так сделали достаточно. И не думайте, что я бросаю вас, скорее, наоборот, ведь я выполнила всё, что от меня требовалось, как от командира. Но так как наша цель была найти выход из города, а теперь, когда вы на свободе, смысла в дальнейшем существовании братства я не вижу. Поэтому сейчас официально его распускаю. Живите спокойно. Удачи на большой земле! Благодарю всех вас за верную службу мне и нашей идее и прощайте!

Я до сих пор удивлялся, где она научилась толкать такие красивые речи?

– А нам было приятно находиться под твоим командованием, – тут же ответил подростковый голос. – Жалко, конечно, что ты не вышла с нами. Но знай, Ульяна – наш командир, мы все тебя очень и очень любим. Удачи тебе, и постарайся не умереть. Эксперимент это, конечно, хорошо, и мы верим, что ты его проведёшь успешно, но обещай, что выживешь! Обещай нам, пожалуйста!

– Обещаю, Антон. Ты же знаешь, я живучая, – усмехнулась она. – Спасибо! Я тоже всех вас очень люблю! Мы были отличным братством, просто лучшим, без сомнения, но всё когда-то заканчивается. Спасибо вам за всё, я вас никогда не забуду!

– И мы тебя никогда не забудем, – сказал Антон. – Потому что ты кто?

– Ты самый лучший в мире командир! – хором ответили ребята. Синхронно прозвучали не менее двадцати голосов, это выглядело потрясающе.

– И самая прекрасная девушка, – с особенной грустью в голосе добавил Антон.

– Спасибо вам большое! – подытожила Ульяна. – Папе привет, Антон. Обязательно поблагодари его отдельно за помощь нам и Гансу. Прощайте! И поймите, так было нужно. Ведь я тут ещё не закончила…

Это растрогало даже меня, но я сдержал эмоции. Трубка вновь перешла ко мне и, воспользовавшись моментом, пока глава департамента не вырубил громкую связь, я прокричал:

– Эй! Люди! Счастья вам в реальном мире! – и тут же отключился сам.

Больше продолжать сил у меня уже не было. Но нажимал кнопку завершения разговора я с чувством исполненного долга. Внутри меня всё ликовало. Хотя было и о чём грустить, но счастье, вызванное верно принятым решением, преобладало.

После я поспешно снял заднюю панель телефона, чтобы извлечь аккумулятор. Дед эту операцию проделал со своим мобильником раньше меня.

– Что, всё? – Ульяна положила руки мне на плечи и посмотрела в глаза.

– Всё. – Я дотронулся до её щеки. – Теперь мы одни…

Она обхватила мою ладонь и прижала к своей груди как можно сильнее.

– Отлично! Что будем делать? – спросила она.

– Пока не знаю… – сказал я.

– А о чём ты там говорил с Заботиным? – стала подозревать неладное она. – Я видела, как ты постоянно хмурился. Что-то не так?

Девочка словно проедала меня глазами.

– Да нет, ничего особенного, – постарался я отойти от ответа. – Просто генерал сказал, что оставил нам весь свой арсенал. Хочешь пошалить?

– Да-да-да! Давно мечтала! – тут же согласилась она, запрыгав на месте и мгновенно забыв о своём вопросе.

Ура. Кажется, я нашёл правильные слова. Не хотелось пока говорить с ней о подозрениях Заботина к Гансу.

– Эй, ребят! Надеюсь, вы это не серьёзно? – Дед выпучил глаза.

– Серьезней некуда. Ужасно хочется выпустить пар! Обещаю, мы будем осторожны! – попытался уверить его я.

– Ох, Максим, – вздохнул дед.

– Спасибо тебе, что не вмешивался! – сказал я деду следом. – Я хотел закончить этот разговор сам.

– У тебя это отлично получилось, Максим, – одобрительно кивнул дед. – Я горжусь тобой. Ну, что? Пора выполнить последний пункт протокола?

– Который я вчера всего за день придумала, – дополнила его Ульяна.

– Отличный получился протокол, – улыбнулся я ей.

– Ну, я старалась всё учесть!

– И у тебя это вышло! – подытожил я.

После я подошёл к стене и швырнул в неё рации горе-агентов. Они мгновенно растворились. Затем, долго сомневаясь, я повертел в руке свой разобранный сотовый. Кинуть его в стену долго не решался, пока это не сделал первым дед со своим телефоном. Только тогда следом полетел и мой. Мы знали, что спецслужбы могут отследить сотовый, даже если он выключен. А нам не надо было такого счастья. У Вани получилось запеленговать меня через геолокацию. Получится и у ФСБ. У них технологии лучше. Найдут даже в космосе. Поэтому мы решили включить в протокол и это действие.

Теперь единственной нашей связью с реальным миром оставался ретранслятор Ганса, про который департамент не знал, и вычислить его точно не мог. Взломать тоже.

– Поздравляю, – после всего сказала Ульяна. – Вот и последний мой протокол выполнен полностью!

– Да, но ничего ещё не закончилось, – сказал дед. – Уверен, департамент ещё останется здесь надолго, они будут охранять границу города. Вдруг мы захотим выбраться. У нас тут много военной техники для атаки, да и обычной тоже. А главное, у нас есть жидкость. Поэтому мы в любой момент можем начать прорыв. Откуда они знают, что у нас на уме?

– И что делать? – спросил я.

– Ничего! – выдал дед. – Стена-то тут нас защитит. Но убираться с Приморья нам всё равно придётся. Только это уже забота Ганса. Пусть думает, как переместить город. А пока не будем об этом. Сейчас немного отдохнём и снова в бой!

– Именно так! – подтвердила Ульяна, а я лишь кивнул.

– Теперь мне немного страшно, – сказал я, обращаясь к деду. – Мы действительно останемся здесь навсегда?

– Вряд ли! – сходу ответил дед. – Но не будем опережать события. На повестке дня – эксперимент. Думаем только о нём и больше ни о чём!

Неожиданное откровение Заботина я ему пересказывать пока тоже не стал. Как и Ульяне минутой ранее. Не время. Если мы наведаемся с моей боевой подругой в часть, я проверю всё сам. И сметы, и накладные, и опись. Разберусь, а только потом сообщу остальным. Нет смысла раньше времени создавать панику.

– Да, и ещё. Коллайдеров по миру сейчас настроили достаточно, – продолжил дед. – Но если даже мою манипуляцию с маятниками, показанную всему городу, кто-то и запомнил, хрена с два они ею воспользуются. В таблицах итак ничего не понятно, а плюс к этому есть в этой схеме ещё один секретик.

– И какой же? – поинтересовался я.

– А вот скажи мне, Максим, что происходит с гармоническими колебаниями с течением времени при наличии силы сопротивления? – он внимательно уставился на меня.

– Затухают они! – сходу выдал я.

– Вот именно! – подтвердил дед. – Поэтому если даже горе-учёные вытрясут из жителей Картанга мой принцип запуска, высчитают всё заново и запустят ускоритель, следуя моим инструкциям, всё, что они получат, это фигу с маслом. Угробят коллайдер без угрозы для людей. Он просто заглохнет и, возможно, навсегда!

– Почему? – недоумевал я.

– Потому что на самом деле играть мои аккорды нужно не сначала в конец, а с…

– Конца в начало! – закончил за него я.

– Правильно! – дед поднял вверх указательный палец. – Повернуть время вспять! Колебания затухают. А если наоборот – маятник разгоняется. Соответственно, добавляется сила в поворотном магните.

– Я до сих пор не понимаю, как это всё связано? Маятники и магниты. Это же не логично! – недоумевал я.

– Это квантовая теория, Максим. Она за гранью физики. В ней логики мало. Это такая Каббала в науке, если быть проще, – пояснил дед.

– Проще не стало, но ладно. Это сейчас не важно. Сегодня и так сделано много. А дальше… что же… Дальше разберёмся. Удачи нам всем! – Я взял Ульяну за руку, и мы побрели к «Уазику».

Приятно было сейчас осознавать другое, что дед, практически ничего для этого не делая, заранее обезвредил все коллайдеры в мире. Да он герой!

По дороге до машины я достал свободной рукой из внутреннего кармана куртки два немного помятых и подтаявших больших «Сникерса». Один протянул деду. Другой Ульяне.

– Угощайтесь, – сказал я. – Купил на воле. Когда мы ещё еды из реального мира поедим – неизвестно!

– Благодарю! – дед тут же начал распаковывать свою шоколадку. Но Ульяна делала это с особым наслаждением:

– Впервые за всю мою жизнь! – мечтательно проговорила она. – Пища с большой земли, Боже! Спасибо тебе огромное! – она вцепилась зубами в несчастный батончик практически мгновенно.

Что же, я угадал с небольшим сюрпризом извне. Он оказался как нельзя кстати.

А наша миссия… миссия по спасению города только что завершилась успешно. Ура! И нам сейчас было что отпраздновать. Ой как было!

Глава 52

Назад через мёртвый город. Мы не знали куда едем, ещё не определились. Сразу к Гансу или устроить себе отдых? Дед остановил автомобиль на развилке. Вперёд – к воинской части, влево – к Гансу. Сомнения развеял сам немецкий учёный.

– Эй, друзья, слышите меня? – проговорил он в рацию из кармана деда. Мы уже настолько привыкли общаться с ним по рации, что я не раз забывал о том, что видел его лично и не раз. Его обожжённое лицо, его голубые глаза. Но даже за три минувших месяца эта привычка думать, что Ганс общается только отдалённо, никуда не делась.

– Слышим, – ответил дед. – Что ты хотел?

– Просто сказать спасибо! Друзья, я правда не ожидал! – продолжил учёный. – Вы не должны были, но… Да я вам теперь по гроб жизни обязан!

– Нет проблем, Ганс, мы теперь с вами! Только что нам делать дальше? – вмешался я, наклонившись к деду, чтобы меня было лучше слышно.

– А включите нам фантомный мир, – заявила Ульяна. – Хочу оттянуться на всю катушку!

– Вообще без проблем! – сказал Ганс.

– Ура! – крикнула девочка.

– И не только включу… Друзья, открою вам маленький секрет, – Ганс сделал паузу. – Сейчас, когда мы остались одни, можно ещё немного приоткрыть завесу тайн и рассказать вам о других возможностях этого места, – он опять замолчал, затем резко выдал. – Я могу включить вам фантомный мир без людей!

Воцарилась тишина.

– И ты это от нас скрывал? – спросил его дед с явным недовольством.

– Не от вас, а от города! От вас я как раз и не скрываю! – ответил Ганс.

– Конечно, включите! Включите! – завопила Ульяна.

Один важный вопрос у меня до сих пор оставался без ответа. Лаборатория с её уровнями и огромной сферой, как минимум для нас с Ульяной, по сей день являлась сетью бесконечных лабиринтов, в которых потеряться не составит никакого труда. Я знал, что за три месяца побывал далеко не во всех её помещениях. Но во многих. Только вот центра управления, откуда Ганс мог отключать и включать фантомный мир, следить за городом через купол и творить другие несусветные вещи я так и не увидел. Лично об этом я Ганса, само собой, не спросил, мы были заняты постройкой ускорителя. Да и он, скорее всего, и после вопроса не выдал бы мне расположение заветной комнаты. Дед знал лабораторию лучше, но относился к её возможностям так, будто эти совершенные технологии часть его повседневной жизни, и ничего такого необычного в них нет. Но я продолжал недоумевать, как советское оборудование можно было подключить к «синему зеркалу» или к куполу. Как можно зафиксировать город на планете и наоборот его с фиксации снять? С помощью чего? Медных рычагов и компьютеров с громоздким выпуклым монитором на основе электронно-лучевой трубки и системным блоком величиной с письменный стол? Непонятно.

На небе возникла яркая вспышка, которая нас ненадолго ослепила. Я не видел её раньше, так как был за куполом в момент отключения фантомного мира перед эвакуацией города, потому это сейчас оказалось для меня неожиданностью. А после, как мы прозрели, перед нами предстал новый город во всех его красках. Таким, каким мы его видели постоянно, всё время пребывания в нём. Но без людей.

– Готово! Друзья, вы пока отдыхайте, – добавил Ганс. – Сегодня мы точно не начнём ничего делать, да и завтра вряд ли. Надо же подготовиться. Но я всё-таки вам ещё раз немного расскажу о том, что нам предстоит. Ускоритель придётся запускать дважды. Первый запуск

откроет сферу. А второй – это сам зловещий эксперимент. Заверю сразу, открывать сферу не так опасно, как проводить эксперимент.

– Соглашусь! Там разгон будет небольшой. Нужно лишь обратить процесс, – вставил дед. – А в целом, открытие угрозы не представляет.

– Ну да, опасности совершенно никакой, – съязвил я, – не считая зла на третьем уровне!

– Насчёт зла мы примем решение на месте, перед самым открытием, – добавил мой дед.

– Запускать надо будет с начала в конец? – поумничал я.

– Нет, с конца в начало, только в разные стороны, – опроверг меня дед. – Объект создал «синее зеркало», когда внешнее кольцо крутило пучок по часовой стрелке, а внутреннее против. Чтобы открыть сферу, нужно ослабить мощь «зеркала», а сделать это можно, если запустить пучки в обратные стороны.

– Всё предельно ясно! – отрезал я.

– Тогда развлекайтесь! – добавил Ганс.

– Ага, развлекайтесь, – встряла Ульяна. – Максим, между прочим, прав! А как же древнее зло в сфере?

– Не стоит переживать, – стал успокаивать нас Ганс. – Рискнуть же нам всё равно придётся! Без открытия сферы эксперимент не провести…

– То есть про зло вы тоже нам наврали? – пренебрежительно сказал я. – А что тогда видел Заботин? Он же считал, что то существо не остановить даже танками!

– Поверьте, это преувеличение, – замешкался Ганс. – Если там осталось какое-то живое существо, то оно давно умерло. В сфере ведь не было продуктов питания, как у меня тут.

Я отчётливо понимал, что Ганс врал нам сейчас в лицо, хоть и через рацию. Врал и не краснел. Хотя, мог ли он вообще краснеть с его травмой? Что ещё он скрывал? Сколько всего у него неразгаданных тайн? Сотни и тысячи? Он даже не израсходовал продукты за тридцать лет. Если это, конечно, правда. Съездить в часть прямо сейчас и проверить? Что я понимаю в сметах? Я задумался. Допустим, Заботин тоже наврал. Может, генерал всё же плохой человек, и решил посеять между мной и Гансом вражду напоследок. Тогда ничего страшного. А вдруг нет? Просто, что если представить на мгновение, без всякой проверки, что нет? Тогда останется единственный вариант ответа на все вопросы вместе взятые – Ганс и есть древнее зло! Почему «древнее»? Зачем Ульяна это опять повторила?

Но загвоздка была в другом: чего тогда хотим мы? Я стал мысленно задавать себе разные вопросы. Ульяна поступила правильно, оставшись здесь? Да. Я её поддержал и не жалею об этом? Да. Что ещё? Что дальше? Мы разве не понимали, что Ганс врал сейчас? Понимали. Мы не чувствовали, что Ганс врал раньше? Чувствовали, конечно. Ульяна точно не дура, да и дед не настолько тупой. Но дед одержим. Он хочет завершить дело Ганса вместе с ним. Он учёный, не проведя эксперимент, он отсюда не уйдёт. Да и после вряд ли. Ему опасно уходить. Теперь я. Чего хотел я? Ловил себя на мысли, что меня толкало на отчаянные действия банальное любопытство. Оно меня не отпускало. «Что будет дальше?», «Что будет, если произойдет то-то и то-то?», «Что там спрятано в сфере?», «Что будет, когда мы запустим ускоритель на полную мощность?» Кажется, я становился как мой дед. Настоящим учёным. Одержимым. Готовым рискнуть жизнью ради великого научного открытия. И теперь я чётко осознавал главное: да, я хочу увидеть «синее зеркало» и я хочу провести эксперимент, чего бы мне это ни стоило. Иначе, зачем мы вообще всё это начали? Зачем остались тут, если не собирались идти до конца? Потому враньё Ганса мне пришлось опять проглотить и очередной раз сделать вид, что я ничего не заметил.

– У вас в запасе остаток этого дня. Проводите его, как хотите! – одобрил дед, обращаясь ко мне и девочке.

– И целая ночь! – Ульяна обняла меня сзади за шею через спинку сиденья.

– Завтра ты повторяешь аккорды, Ульяна, – дед пристально посмотрел на мою спутницу. – Максим, тебя это тоже касается. Проведём учения, потом вперёд!

– Сделаем всё в один день! – заявил я.

– Что именно? – не понял дед.

– Учения и открытие сферы!

– Уверен? – смутился он.

– Абсолютно! Если открытие сферы не такое опасное, то да! – не унимался я. – Я учил эти цифры целую неделю, я всё и так помню! Хочу всё закончить как можно скорее!

– Ладно, верю. Я и сам, по правде сказать, так хотел поступить. И учения, и открытие сразу провести. Но не сегодня. Пока развлекайтесь! – закончил дед. – Только не переусердствуйте! Подвезу вас вниз, а сам вернусь в лабораторию…

Дед сдержал обещание и высадил нас у дома, где я жил в самом начале, там, где закрутилась моя история в этом городе.

Понеслось.

Вот она, мечта многих: остаться одним в пустом городе, изобилующим всем, и отрываться на полную катушку! А у нас она так резко осуществилась, что даже не верилось. Но вот проблема, когда такая несбыточная мечта сбывается, не знаешь, с чего начать. Мы начали с разорения магазина. Фантомного магазина. Подумали, если это всё равно исчезнет, если это всё уже никому не нужно, почему не насладиться?

В районе, где жила Ульяна, был единственный супермаркет в Картанге. Я в него никогда не заходил, не было необходимости, хотя часто видел издалека. Он занимал половину всего первого этажа пятиэтажки и был довольно просторным. Туда и решили наведаться первым делом.

И не зря.

Через полчаса продуктовый отдел самого крупного супермаркета города представлял настоящую зону боевых действий.

– Сейчас ты у меня получишь! – кричал я, на бегу поливая наглую девчонку из двухлитрового пакета с соком.

– А ты сначала догони! – вопила она в ответ, показывая мне язык.

Весь пол магазина был покрыт разбросанными продуктами: раздавленными, разлитыми и просыпанными, да так, что через них уже трудно было пробираться. Мы кидались сладостями, дрались батонами, обливали друг друга молоком и кефиром, обмазывали кремом и мороженым. Затем разорили и витрину с кондитерскими изделиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.